

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

5

МЮНХЕН 1977

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. Пирожкова. Ересь утопизма	1
Е. Вагин. Историческая преемственность в советской оппозиции	4
Николай Лобковиц. Религиозный элемент в обществе достоинном человечества	11
Анатолий Михайловский. Не «Иваниана», а «Яновиана»	16
В. Сидоров. Советские легенды	22
С. Л. Войцеховский. О статье И. А. Мацкевича	25
А. Михайловский. О «русском империализме»	28
Из психологии тоталитарного общества	31
Владимир Рудинский. Обзор зарубежной печати	32
А. Нельский. Будущее Франции	34
Свидетельство истории	35
Дар мученичества	37
В редакцию журнала «Голос зарубежья»	38
Письмо А. Э. Левитину-Краснову	39

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 5

Июнь 1977

МЮНХЕН

В. ПИРОЖКОВА

Ересь утопизма

Посвящается памяти С. Л. Франка

Года три тому назад ко мне как-то вошел взволнованный новый эмигрант, один из русских евреев, получивших возможность выехать из Сов. Союза. В руке у него была какая-то книжка, и он восклицал: «Надо это широко распространять! Надо перевести на все языки, если еще не переведено! Здесь же все сказано! Все!». Я посмотрела на титульный лист книги, которой он размахивал: это был изданный в Париже сборник статей С. Л. Франка, среди которых была и статья «Ересь утопизма», так потрясшая моего нового знакомого.

Я развела руками. Можно издавать книги. Можно найти деньги на издание переводов, как все ни трудно для эмигрантов, но как побудить прочесть эти книги именно тех людей, которым бы следовало их прочесть? Или как побудить их задуматься над прочитанным?

Мы сейчас являемся свидетелями возникновения новых утопий не только у людей Запада, но и среди тех, которые сами пережили крушение утопий прежних, у людей, для которых не надо переводить Франка на другие языки, которые могли бы прочесть Франка в оригинале, но, видимо, не читают, а если читают, то не вдумываются. «Прежде, чем попытаться теоретически анализировать ересь утопизма и вскрыть общие источники ее заблуждения, отметим простой бесспорный исторический факт. Не только утопизм никогда не достигал на практике поставленной им цели, т. е. ему не удавалось осуществить порядок, обеспечивающий нравственное совершенство жизни, но на пути своего осуществления он приводил к результатам прямо противоположным: вместо исконного царства добра и правды он вел к господству неправды, насилия и злодейств, вместо женного избавления человеческой жизни от страданий он приводил к безмерному их умножению. Можно сказать, что никакие злодеи и преступники не натворили в

мире столько зла, не пролили столько человеческой крови, как люди, хотевшие быть спасителями человечества...

Но и этого мало. Самое разительное и парадоксальное в судьбе утопизма есть не то, что, по замыслу, он всегда приводил не к добру, а к злу, не опасал, а губил жизнь, но что на этом пути сами спасители человечества из самоотверженных служителей благу, каким-то непонятным и неожиданным образом, превращались в бессовестных злодеев и кровожадных тиранов. Утопические движения всегда начинаются людьми самоотверженными, горящими любовью к людям, готовым отдать свою жизнь за благо ближних; такие люди не только кажутся святыми, но в известной мере действительно причастны, хотя и в какой-то искаженной форме, святости. Постепенно, однако, и именно по мере приближения к практическому осуществлению своей заветной цели, они либо сами превращаются в людей, одержимых дьявольской силой зла, либо уступают свое место злодеям и развращенным властолюбцам, имеют их своими естественными преемниками. Таков парадоксальный роковой ход всех революций, руководимых утопическими замыслами утвердить абсолютно совершенный порядок жизни. Посредине этого пути от святости к садизму стоит, как бы воплощая в себе всю дьявольскую парадоксальность этой нравственной диалектики, жуткий, загадочный тип аскетического и добродетельного в личной жизни кровопийцы вроде Робеспьера и Дзержинского».

На примере Белинского Франк показывает, что внутреннее превращение из человеколюбца в палача может произойти и без того, чтобы человек пришел к власти и начал пытаться проводить свои утопии в жизнь. Белинский отрекся от Гегеля во имя живой человеческой личности. Его не удовлетворила бы никакая «мировая гармония» Гегеля, если бы он не мог разделить

ее с последним своим «братом по крови». Но потом Белинский требовал во имя социальности «тысячи голов». С горящими глазами он отстаивал гильотину и дошел до заявления, что начинает любить человечество «любовью Марата», т. е. готов уничтожить огнем и мечом большую его часть, чтобы меньшая стала счастливой. Тут уже духовно предвосхищен Сталин.

Дальше мы читаем у Франка: «Подлинный и последний идейный источник утопизма есть совершенно новая — по сравнению со всем кругом ветхозаветных и новозаветных представлений — религиозная идея (некоторую аналогию которой можно найти только в гностицизме 2-го века). Это есть мысль, что мировое зло и страдание определены не вошедшей в мир, исказившей совершенное Божие творение и в пределах мира неустранимой, таинственной силой греха, но неправильным устройством самого мира. К этому присоединяется другая мысль: человеческой воле, руководимой стремлением к абсолютной правде, дана возможность коренного переустройства мира, взамен старого, неудачного и несправедливого. Утопизм есть прежде всего отрицание догмата грехопадения. Ответственность за земную неправду он возлагает не на власть греха в мире, не на греховную человеческую волю, а на некие иные силы, повинные в неправильном и несправедливом устройстве мира, — при полной последовательности мысли, на инстанцию, сотворившую мир. Это есть восстание человеческой нравственной воли против Творца мира и против самого мира как Его творения».

Один из типичных, хотя и довольно примитивных, утопистов нашего времени, А. Левитин-Краснов, пишет: «Возможно ли радикальное переустройство человеческого общества и обновление, преобразование человеческой природы?»

Социалист на этот вопрос ответит: «Да».

Несоциалист также твердо и не задумываясь ответит: «Нет». (СССР — демократические альтернативы).

Вот это-то и есть типичная ересь утопизма: преобразование человеческой природы своими, человеческими силами. Не преобразование и обновление под «новым небом» и на «новой земле», обновление, произведенное Господом, а преобразование путем установления иных земных порядков на этой самой грешной земле. Это и есть отрицание догмата грехопадения и, в конечном счете, это — великая гордыня, желание поставить себя на место Бога. Подчеркнем: дело ведь не идет о частных улучшениях, возможность которых никто не будет отрицать, а о полном преобразении человеческой природы, создании того «нового человека», о котором меч-

тают марксисты. Создание его своими силами. Это и есть то восстание против Творца мира, о котором говорит Франк. И чем это кончается? Обратимся снова к Франку: «Поскольку утверждение праведного порядка мыслится делом умышленной, устремляющей воли человека, принудительная теократия принимает характер принудительной богоборческой антропократии. Человек берет на себя самого дело устройства мира на новых, праведных основаниях; этот новый, праведный и разумный мир — творение устрояющей нравственной воли человека — отчетливо противопоставляется миру старому, исконному, исполненному зла и недоразумения — миру, созданному некоей злой, слепой, хаотической силой. Именно в этом замысле построить совершенно новый мир, через принудительное утверждение в нем праведного порядка, и состоит существо утопизма. Не случайно, а совершенно естественно и с немумолимой последовательностью утопизм, будучи первоначально христианской ересью, именно в качестве идеи спасения мира через подчинение его праведному закону, превращается в богоборчество, в восстание человека против Бога, — сохраняя при этом характер христианской ереси только в самой идее спасения или преобразования мира».

Современные утописты могут возражать, что Франк пишет о принуждении, о праведном законе, тогда как они все хотят построить на свободе. Но вот мы читаем у Левитина-Краснова: «Никому никаких привилегий; никаких новых классов, никаких привилегированных слоев населения. Полное равенство во всех, никакой дискриминации ни в чем. И полное имущественное равенство».

Но каким путем должно идти это преобразование человека? В какой последовательности? Сначала его полное перерождение — но каким методом? — а потом полное равенство? Или сначала полное равенство путем принуждения, а затем в ходе этого принуждения перерождение? Как всякий утопист Левитин-Краснов не заботится о конкретных путях осуществления его утопий, но увидев, что люди сами собой чудесным образом не преобразуются, — откажется ли он от соблазна принуждения?

Ведь давно известно, что при полном равенстве не может быть свободы. Равенство и свобода — квадратура круга. Если есть хоть немного свободы, есть и неравенство. Да и заложено оно в самой человеческой природе. Но как раз эту природу и следует «преобразить», т. е. изменить. И снова мы обращаемся к Франку, который указал на то, что это желание — дерзно-

венное присвоение себе дела творения Божия. «Ведь дело идет о том, чтобы создать мир именно заново. Подобно Богу, человек замышляет сотворить мир из ничего; но не находясь в положении Бога, Который впервые сотворил мир, он встречает препятствие для своего творческого замысла в лице уже существующего мира...» — читаем мы у Франка. Этот мир надо разрушить. «Но старый, исконный мир — мир грешный, неразумный и несовершенный — упорствует в своем бытии, сопротивляется своему разрушению. Это упорство представляется утопизму всегда чем-то непонятным, неожиданным, противоестественным, ибо противоречит его представлению об относительно легкой возможности построить новый мир. Оно рассматривается поэтому как, некоторого рода случайная частная помеха, приписывается какой-то извращенно-порочной воле: представляется естественным, что нормальные люди должны согласиться на план построения нового мира, обеспечивающий им «спасение», разумную и блаженную жизнь. Эта извращенная, порочная воля немногих должна быть подавлена и уничтожена; отсюда требование «тысячи голов». Но этот старый мир, несмотря на всю порочность и дряхлость, на все свое несовершенство, все же имеет некое сверхчеловеческое происхождение — и потому некую для утопизма неожиданную прочность, о которую разбивается всякая чисто человеческая воля. Поэтому никакое устранение «тысячи голов» здесь помочь не может: взамен отрубленных голов у «гидры контрреволюции» вырастают тысячи — или, скорее, десятки и сотни тысяч — новых голов. Дело разрушения безнадежно затягивается, и на этом пути утопизм роковым образом увлекается на путь беспощадного и все более универсального террора. Именно поэтому благодетели человечества неизбежно становятся его угнетателями, мучителями и разрушителями. Спасаемые расплачиваются за слепоту спасителей, за ложность самого их замысла спасти мир новым его устройением, замысла, основанного на забвении истины о неустранимом никакими внешними человеческими мерами греховном несовершенстве мира... Посвящая все свои силы бесконечной, никогда незавершенной задаче обуздания, подавления, разрушения искон-

ных основ мирового бытия, спасители мира становятся его заклятыми врагами и постепенно подпадают под власть своего естественного водителя на этом пути — духа зла, ненависти, презрения к человеку. Богоборческая антропократия роковым образом вырождается в демонократию, которая ведет не к спасению мира, а к его гибели». На взятом нами примере утописта, считающего себя христианином, Левитине-Краснове, мы можем видеть наглядно, как происходит это духовное превращение. Сделав из Иисуса Христа социального реформатора, не поняв мистической глубины Искупления путем крестной жертвы Сына Божия и сводя все христианство к земному переустройству жизни, он скорее готов идти не только с атеистами, но и богоборцами, написавшими в «Гуманистическом манифесте II», что религия является препятствием на пути к прогрессу, если они только назовут себя социалистами, чем с верующими христианами — несоциалистами. Он прежде всего социалист, а потом христианин, чего, кажется, и сам не отрицает. Здесь мы имеем в виду социализм как некую земную религию, а не социальность, не социал-христианское движение. Но христиан «во вторую очередь» не бывает. Иисус Христос — центр и смысл мира, и только тот, кто это видит и принимает, может считать себя христианином. А социализм «в первую очередь» — это нарушение Божией заповеди не творить себе кумира. Творение же кумира ведет в сторону от Бога, ведет к богоборческой антропократии и, в конце концов, к демонократии. «Задуманный для утверждения абсолютной Божьей правды на земле, утопизм в процессе своего осуществления превращается в дело убийства — в переносном и прямом смысле этого слова — живого, конкретного, реального человека, в уничтожение самой жизни и, тем самым, всякой возможности ее морального совершенствования».

В год, когда исполнилось 100 лет со дня рождения Семена Людвиговича Франка, не забудем об его предупреждениях, не пренебрежем его глубоким анализом утопизма и его страшной угрозы. Тем более, что утописты снова среди нас, и не только такие, которые еще называют себя христианами, но и такие, которые открыто перешли на богоборческую позицию.

Доклад, который мы предлагаем вниманию читателей был произнесен Е. Вагиным на конгрессе итальянских историков. Он будет опубликован на итальянском языке. Редакция рада, что может познакомить читателей журнала с идеями и краткой историей Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа, оппозиции, которой, по нашему мнению, эмигрантская пресса посвящала до сих пор слишком мало внимания. Между тем, как раз это движение, исполненное христианского духа и готовое к борьбе, представляется нам наиболее плодотворным и интересным для будущего России. Нет сомнения, что члены его, выработавшие свою программу в бесконечно тяжелых условиях коммунистического террора, не могли представить документа, стоящего выше всякой критики. Нет сомнения, что и в их программе есть пункты, заслуживающие критики, не говоря уж о том, что всегда существует много различных мнений. Но основные идеи представ-

ляются здоровыми и заслуживающими гораздо большего внимания, чем они до сих пор получили со стороны эмигрантской общности.

Евгений Александрович Вагин является пока первым представителем Союза, который выехал на Запад. Остальные томятся в заключении. Е. А. Вагин родился 12. 4. 1938 г. в Ленинграде. Среднюю школу закончил в Пскове. В 1960 г. закончил филологический факультет Ленинградского университета, был до 1966 г. в аспирантуре, работал ученым секретарем академической группы, готовившей полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского и писал диссертацию о лирике Лермонтова, которую не успел защитить по причине ареста. В 1964 году вместе с И. В. Огурицовым и М. Ю. Садо организовал ВСХСОН, просуществовавший до 1967 г. В 1967 г. он был арестован вместе с другими членами Союза. Выпущен в 1975 г. Выехал за границу под давлением советских властей в августе 1976 г.

Е. ВАГИН

Историческая преемственность в советской оппозиции

(Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа — ВСХСОН)

В настоящем сообщении я не преследую целей широкого обобщения и подробного анализа большого круга явлений. Я хочу остановиться на явлении сравнительно новом, но многообещающем и перспективном, которое может определить будущее огромной страны и великого народа. Речь пойдет о **национально-религиозном пробуждении** в Советской России за последние 10—15 лет, о процессах, которые расширяются и углубляются, захватывают самые разнообразные слои и социальные группы, проявляются во многих формах.

Оценить это новое явление в общественной жизни тоталитарного СССР особенно важно в аспекте, заданном темой нашего конгресса. Тоталитарное коммунистическое государство, по определению Н. Бердяева, представляет собой особую разновидность вероисповедного государства, идеологи которого всеми способами стремятся утвердить в сознании граждан убеждение в уникальности и единственной верности исповедуемого ими учения — псевдорелигии. Для этого им необходимо основательно искоренить подлинную традицию народа, его историческую память. А так как практически полное забвение былого невозможно, предпринимается в немыслимых ранее

масштабах систематическое **искажение исторического прошлого**.*)

«Ни на один день не прекращает свою работу гигантская фабрика дезинформации, фальшивой пропаганды, эрзацкультуры и фальсификации истории. Нет такой лжи, которая не была бы пущена в ход, если она выгодна. Создан целый коммунистический словарь, в котором извращены все понятия. Партийная олигархия стремится подобным «воспитанием», которому она придает огромное значение, поработить мысль народа и опустошить его душу»¹⁾

Но живую душу народа убить невозможно, и 60-летний крестный путь русского народа подтверждает эту старую истину. Память, историческая преемственность сохраняется, и о ней можно говорить в двояком смысле:

— преемственность традиции народной антикоммунистической борьбы, не прекращавшейся в России с первых же дней захвата власти большевиками;

— преемственность русских национальных и религиозных традиций, на наших

*) Теперь эту функцию за границей взяли на себя некоторые «диссиденты». Прим. ред.

¹⁾ Программа ВСХСОН. Суд, в тюрьмах и лагерях. Paris. YMCA-Press, стр. 49—50.

глазах **воскресающих** в последние годы в целом движении творческой интеллигенции и молодежи, которое имеет характер неофициальный и антикоммунистический по своей сути.

Ошибочно было бы говорить исключительно о литературных формах выражения оппозиции режиму. Традиция организованной борьбы с коммунистическим тоталитаризмом также находит продолжение и развитие в сегодняшней России, и возникающие постоянно организации, ориентированные на радикальные перемены в стране, вносят свой заметный вклад в дело национально-религиозного пробуждения. Это тоже одна из форм защиты исторической памяти, форма динамичная и активная.

Самой значительной организацией в СССР за последний период — по серьезности теоретических разработок, по числу членов и длительности существования — был Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа. Он представлял собой «секретную надпартийную организацию, основанную единомышленниками ради освобождения отечества от тиранического тоталитарного режима и установления социал-христианского строя» (Устав ВСХСОН).²⁾

На фоне многочисленных кружков и групп ревизионистского, неомарксистского, «чисто-ленинского» типа, возникавших в Советском Союзе после 1956 года, ВСХСОН представлял собой образец качественно совершенно иной организации, воплощал в себе иной тип социального активизма. В отличие от католического Запада, в России никогда не было прочной традиции социального христианства. Слабые попытки создать подобие христианской политической партии имели место после 1905 года (Свентицкий и Великанов, особенно — кн. С. Н. Трубецкой, молодой С. Н. Булгаков), эта проблема обсуждалась на страницах журналов «Вопросы жизни», «Вопросы религии», «Живая жизнь». Но до практического осуществления идеи дело тогда так и не дошло.

Может быть, следует объяснить это необычайно слабым развитием у нас политического и социального рационализма вследствие особенностей русского духовного строя, более восприимчивого к иррациональным импульсам.

Серьезно разрабатывалась тема социального христианства русскими эмигрантами «первой волны» в контексте всей европейской культуры. Было высказано много исключительно интересных соображений и пожеланий. В этом смысле произведения русских зарубежных мыслителей долго

еще будут арсеналом политической и социальной мысли для деятелей освободительного движения в самой России.

Для ВСХСОН наиболее близким по духу оказался Н. А. Бердяев некоторыми сторонами своего персоналистического мировоззрения. Всецело и полностью принималось его страстное исповедание веры: «Не новые идеологические цели нужно ставить политике, а новые духовные основы и истоки для нее найти, т. е. исходить из духовного возрождения, из нового духа жизни. Это предполагает ограничение сферы политики, недопущение ее главенства над жизнью и ее вампирического развития. Важны не новой идеологии люди, а нового духа люди. Подлинное реальное соединение людей никогда не может быть основано на идеологиях и отвлеченных целях, подлинное реальное соединение людей есть соединение по духу, по тому, кто люди, из какого источника пьют они воду жизни».³⁾

Три десятка членов Социал-Христианского Союза (столько же было и подготовленных кандидатов), почти все в возрасте 25—30 лет, представляли собой уже третье поколение, выросшее в условиях «полной победы социализма», в среде принципиально атеистической. Подавляющее большинство — люди с высшим образованием, т. е. прошедшие длительную марксистскую обработку на скамьях институтов и университетов. И все же духовное ядро личности каждого из них оказалось не зараженным ядом материалистической пропаганды. В глубине души каждый остался русским человеком, сохранил в себе историческую память о России.

Возвращение к национальным истокам, к исконной русской религиозной традиции было долгим и непрямым; пришлось пройти извилистый и тернистый путь, на котором были соблазны и уклонения, — все это приходится признать неизбежным для специфических условий «закрытого» общества.

Идея личности определила идейную эволюцию каждого из будущих членов подпольной антикоммунистической организации. Идея личности, и боль за Россию. Но вначале все же — личность. Ибо вначале нужно было осознать себя, и уже через себя — понять трагедию нашей поращенной родины. Если я скажу, что любимым писателем И. Огурцова в юности был Т. Карлейль, а я еще до Достоевского испытал сильное воздействие «Исторических писем» П. Лаврова, наша первоначальная ориентация достаточно прояснится. Огурцов долгое время оставался убежденным сторонником индуизма и практиковал його

²⁾ Там же, стр. 95.

³⁾ Н. Бердяев. Дневник философа. «Путь» (журнал). Париж, 1929. № 16, стр. 88.

задолго до того, как это стало интеллектуальной модой у интеллигенции. Это был важный этап в его духовном становлении; но он пошел дальше и глубже: через универсализм восточных религий («всемирная отзывчивость» русского человека) и западный индивидуализм он пришел к синтезу на почве национально-религиозной. Это составило основу его христианского, персоналистического мировоззрения, социальной проекцией которого явилось социал-христианство. У него, как и у других, не сразу началось с России. Был М. Ганди, был С. Вивекананда, было «Провозвестие Рамакришны», с надеждой обращавшего взор на север. Были Шекспир, Карлейль, Ибсен. Но наряду с этим было серьезное, с юных лет, изучение истории России, ее государственности, социального и экономического строя. Был постоянный интерес к русской литературе и русской мысли. Вл. Соловьев, с его универсальными построениями, как бы «объединил» все предыдущие увлечения и занятия. Ранний Вл. Соловьев, с его идеей «Свободной теократии», повидимому, и положил начало социал-христианству.

Пробудившаяся религиозная энергия естественно направлялась в русло социального служения, поисков решения «социального вопроса».

Сказались и особенности советской системы образования. Со школьной скамьи нам твердили «о подвигах, о доблести, о славе» революционного служения своему народу, своей родине. В литературе (особенно русской) настойчиво подчеркивалось его значение для «освободительной» борьбы, акцентировалось внимание на мотивах и темах революционного отрицания, бунта, протеста. Религиозный смысл классической литературы и искусства XIX века стирался начисто, подменялся «гуманистическим содержанием». Но уязвленность страданиями человечества у Радищева, образы народных заступников у Некрасова и Короленко, изображение униженных и оскорбленных у Достоевского, — все вместе взятое создавало и вполне определенный эмоциональный фон, и рождало в душе, неиспорченной ложью и конъюнктурными соображениями, вполне определенное настроение, переходящее в прочное убеждение: должно смело выступать против всех проявлений беззакония и надругательства над человеком, следует бороться против несправедливости и эксплуатации, необходимо активно, деятельно стремиться к революционному преобразованию несовершенного общества. В сознание советских людей с детских лет внедряется революционизм. Конечно, тщательно следя за расстановкой акцентов, за «правильным» распределением све-

та и тени, красного и черного. Таким образом воспитывается *homo soveticus*, которого и без дополнительной подготовки можно послать в Будапешт в 1956 году, в Новочеркасск в 1962, в Прагу в 1968.

Но когда человек начинает духовно прозревать, когда незамутненным оком начинает различать вокруг себя беззаконие, произвол, бессовестную эксплуатацию, — и при этом слышит наглуго, беззастенчивую ложь «сверху», — в его душе уже есть революционный заряд; негодование его отличается в готовые формы. Меняется только направление его гнева.

М. Садо говорил на суде: «Я часто бывал в деревнях и всегда поражался безысходной бедностью, нищетой их. Церкви, часовни, монастыри были в запустении, разваливались. Во многих церквях размещались склады горючего, различные кладовые, мастерские. У меня это выливалось в нестерпимую боль за поругание русской культуры».⁴⁾

Революционным путем бороться с этим актуальным, несомненным злом — не составляет непреодолимой психологической проблемы. Останавливали только страх или сугубая интеллигентская «осторожность». Приблизительно такова схема возникновения обычных, марксистских и ревизионистских кружков, если нет духовной перспективы. А она возникает на путях национальных или религиозных. В редких случаях — то и другое вместе. ВСХСОН представляет именно такой случай.

Решающим «обстоятельством» оказывается — личность. Личность инициатора, организатора, руководителя, в чьей голове впервые оформляется какой-то положительный противовес. Личности (потенциальных) членов (будущей) организации, их моральные, нравственные качества, их идеалы, их духовный кругозор, их волевые данные. При изначальном сугубом внимании к личности совершенно особый характер принимает и решение вопроса об обществе, неизбежно пересматриваются традиционные методы борьбы, допустимые средства. Простое «понимание» той духовной аксиомы, что начинать надо не с ломки общества, а с переделки самого себя, совершенно меняет перспективу начинаемого дела.

Конечно, при таком понимании есть «опасность» ухода в индивидуальное нравственное совершенствование у людей, вполне осознавших ложь и преступность системы. Это порождает феномен «мирного» выхода из системы, пассивного сопротивления режиму. Но сейчас речь идет об организации: имеются в виду люди с выраженным

⁴⁾ Программа ВСХСОН, стр. 173.

общественным темпераментом, социальные реформаторы по складу характера и миропереживания. Они, как мне кажется, наиболее соответствуют русскому национально-религиозному типу. Это те, кто в конечном итоге стремится к преобразению всего мира, а не себя только, для кого второе неотделимо от первого...

Преображение мира, и с ним человека — центральная тема русской религиозно-философской мысли, теоретически осмысленная особенно в конце XIX — начале XX вв. Можно сказать, это тема всей русской культуры. Достаточно вспомнить и поставить рядом крупнейшие теургические утопии в русской литературе, живописи, музыке. Это грандиозный замысел «Мертвых душ» Гоголя (во второй части должно было произойти преобразование Чичикова в контексте всей русской жизни). Это «Явление Христа народу» А. Иванова — картина, по замыслу ее создателя должна была привести ко Христу зрителей и тем самым преобразовать, христианизировать мир. Оставшаяся неосуществленной космическая «Мистерия» А. Скрябина (композитор успел закончить только «Предварительное действие»), исполнение которой должно было приблизить конец мира. Перечисленные эстетические утопии получают своеобразное философское обоснование у Вл. Соловьева и особенно у Н. Федорова в его «Философии общего дела» — самом крайнем выражении идеи всеобщего спасения. У названных художников и мыслителей ярко проявилась родовая черта русского национально-религиозного характера. Судьба мира неотделима от судьбы личности, спасение личности немислимо, нежелательно без спасения всего мира. Это тоталитарное устремление русской души нашло отчасти свое извращенное воплощение в революционной «бесовщине», в попытках принудительного устройства судеб мира. Но здесь уже в основе был подлог и обман. Обманно эксплуатировалась названная черта русского типа во имя преступных, но искусно замаскированных до времени целей. В той мере, в какой русский народ поддался этому преступному обману, он несет ответственность — и прежде всего перед самим собой. Но указанная черта национально-религиозного типа сохраняется до тех пор, пока существует русский человек.

Как писал Бердяев: «Именно на духовной почве православия в России обнаружилось страстное стремление к спасению всей твари, всего человечества и всего мира...

Бескорыстного познавательного созерцания, творчества идеальных ценностей у нас никогда не было. Наша своеобразная духовная культура была построена на идее

спасения и непременно всеобщего спасения, на идее освобождения от зол жизни. Начало соборности было внесено в самое стремление к спасению. Русский человек не может ограничиться спасением души, ему нужно спасение мира, он ждет всеобщего просветления, преобразования и воскресения».⁵⁾

Из подобного миропереживания зародилась идея социал-христианской организации, долженствовавшей спасти родину и мир от временно восторжествовавшего зла коммунизма, который в Программе ВСХСОН прямо назывался учением сатанократическим.

Сравнивая программу ВСХСОН с другими программными документами инакомыслящих, появившимися в Советской России в 1960-х—1970-х годах, такими, как «Меморандум» акад. Сахарова 1968 года, программа «Демократов России, Украины и Прибалтики» 1969 г. и «Письмом к вождям Советского Союза» Солженицына 1973 г., проф. Денлоп ее преимущество видит в следующем: «Ей удалось избежать главной ошибки Сахарова и „демократов“ — общего некритического приложения западных либеральных моделей к собственно русским проблемам. И разработана она гораздо детальнее как в отрицательной, так и в положительной частях, чем солженицынское «Письмо».⁶⁾

Я могу добавить к этому, что и появилась Программа ВСХСОН на 4 года раньше сахаровского Меморандума, и на целых 9 лет раньше «Письма вождям». Правда, будучи отправленной на Запад еще в январе 1967 г. (перед разгромом организации), она стала доступной и опубликована только в конце 1975 года.

Упрекая далее авторов рассматриваемой Программы в недостаточно критическом отношении к Западу, проф. Денлоп справедливо видит в этом и нечто положительное — по сравнению с резким неприятием всего западного у крайних русских националистов.

Это момент исключительно важный. Если иметь в виду классические для русской истории модели славянофилов и западников, то можно сказать, что социал-христиане счастливо избежали крайностей того и другого направления, и по своему духу ближе всего к синтезирующей почвеннической позиции Ф. М. Достоевского.

Достоевский был одним из самых читаемых авторов среди членов организации, и

⁵⁾ Н. Бердяев. Русская религиозная идея. В сборнике статей: Проблемы русского религиозного сознания. Берлин, 1924, стр. 243.

⁶⁾ John B. Dunlop. The New Russian Revolutionaries. Nordlaid Publishing Company, Belmont, Mas., 1976, p. 166.

даже в следственной тюрьме, где имелась приличная библиотека, все читали в основном его романы и «Историю государства Российского» Карамзина. В первом же разделе Программы есть существенная ссылка на автора «Бесов»: «Все великие национальные революционеры духа, от Герцена до Достоевского и Толстого, указывали на страшные опасности, таящиеся в марксизме» (ВСХСОН, стр. 35). Особую роль в таком осмыслении идей гениального русского писателя сыграла книга Бердяева «Миро-созерцание Достоевского», имевшаяся в распоряжении Союза.

Воздействие Достоевского было сильным не только в отрицательной части Программы (общая критика материализма и революционной «бесовщины»), но и части позитивной. В сложении комплекса идей социал-христианства Достоевский занимает выдающееся место наряду с Вл. Соловьевым и Н. Бердяевым. Он был своего рода духовным стимулятором.

Последовательная и бескомпромиссная критика марксизма — «тоталитарной идеологии коммунистической бюрократии», признание невозможности и ненужности ревизии этого ложного в самих своих предпосылках учения — одна из существеннейших особенностей Программы ВСХСОН. В этом ее отличие прежде всего от позиции акад. Сахарова, который в своей последней книге («О стране и мире») допускает возможность мирного перерождения системы и сохранения марксистской идеологии и коммунистической партии, тогда как социал-христиане еще в 1964 году твердо заявили: «Коммунистическая партия, потерявшая всякое моральное право на существование, должна быть распущена» (Программа ВСХСОН, стр. 78).

Этот вывод сделан на основании детального и глубокого анализа марксизма-ленинизма как философского учения, экономической науки и политической доктрины. Полувековая проверка жизнью, — считают авторы, — показала ошибочность большинства марксистских предсказаний и лживость обещаний, начертанных на знамени коммунистической революции.

«Будучи болезненным детищем материалистического капитализма, коммунизм развил и завершил все вредные тенденции, которые имелись в буржуазной экономике, политике, идеологии. В этом — источник поразительного сходства коммунизма с фашизмом» (Программа ВСХСОН, стр. 32).

Последнее утверждение вызвало особенное негодование государственного обвинителя на процессе, который проходил за закрытыми дверями. Это утверждение не было случайным и имело принципиальный характер. Мы считали, что пропагандное

противопоставление фашизма и коммунизма как двух полюсов, еще менее дает возможность разобраться в мировом конфликте, нежели противопоставления «социализма» и «капитализма». Обосновывалось это следующим образом:

«... Даже фашизм, являющийся разновидностью тоталитарной системы, не представляет собой столь всеобъемлющей тирании, как коммунизм. Если коммунистическая диктатура сосредоточивает в руках класса партийной бюрократии все три сферы общественной жизни, то фашистская диктатура захватывает только политическую и идеологическую монополию. Отсутствие главного, экономического, рычага в распоряжении партии ослабляет политический и идеологический гнет.

Вместе с тем, фашистская диктатура не возникает сама собой, а вызывается угрозой коммунизма и, как правило, жизнеспособна только до тех пор, пока эта угроза остается. Но основное отличие фашизма от коммунизма заключается в том, что фашистская партия не образует, наподобие коммунистической, бюрократии, паразитического, всемогущего класса эксплуататоров» (Программа ВСХСОН, стр. 43).

Я думаю, что такой подход к проблеме может показаться достаточно смелым даже в свободном мире, не говоря уже о специфических советских условиях. Обсуждение этой проблемы вызвало полемику среди руководителей ВСХСОН в период подготовки Программы.

Но сравнительный анализ двух тоталитарных систем не был самоцелью. Сравнение нужно было единственно для того, чтобы подчеркнуть всеобъемлющий и лишний раз показать неизбежность непрерывных антикоммунистических выступлений и революционного взрыва в СССР, «народной освободительной революции». Чтобы максимально дисциплинировать народную стихию, ввести ее в русло порядка, во избежание кровавых эксцессов и предполагалось создание политического ядра, «которое может придать всенародной борьбе целенаправленный характер, выработать революционную стратегию и тактику».

На основании того, что реалистически мыслявшие авторы Программы ВСХСОН не исключали возможности вооруженной борьбы против «охранных отрядов олигархии» (под этим понимались специальные внутренние войска МВД), делались попытки обвинить организацию в призывах к насилию. Подобные обвинения голословны и не имеют под собой никаких серьезных оснований.

Для христианской совести проблема применения силы (не насилия) — одна

из самых сложных. Христианская позиция в этом вопросе несводима к непротивленчеству в духе Л. Толстого, о чем в свое время писал еще Вл. Соловьев. Непротивленчество внутренне неискренне и лицемерно уже потому, что тайно оно рассчитывает на противление других. Кто-то должен взять на себя ответственность.

Смысл нашего движения заключался в стремлении к христианизации общественной жизни во имя будущей свободной России. Для осуществления своих целей мы считали допустимыми преимущественно моральные средства борьбы, допускали возможность применения силы лишь в исключительных ситуациях и «для определенной, ограниченной цели, при том политической». Я цитирую русского эмигрантского историка Г. П. Федотова, который в своей книге «Христианин в революции» пишет: «Мечом не преобразуют мир, не строят новое общество. Мечом освобождаются от тиранов — и только». ⁷⁾

Между тем, нашей основной задачей изначально было — наметить путь духовного обновления, предложить национальную модель христианского государства. По удачному выражению самиздатского автора, — «в целом этом был план создания воинствующего религиозного ордена, способного не только возглавить антикоммунистическое движение в России, но и предложить ей иной способ бытия».

Создатели Союза и его Программы опирались на прочный фундамент национально-религиозной и культурной традиции и первоочередной задачей считали восстановление этой насильственно прерванной большевиками христианской традиции народов России. В этом усматривалась важнейшая предпосылка христианизации экономики, политики и культуры — главная цель социал-христианского движения.

В Программе ВСХСОН специально указывалось что в будущем «особенные задачи стоят перед правовой и исторической науками, которые должны вскрыть извращения и фальсификации эры коммунистической диктатуры и восстановить справедливый правопорядок и подлинную историю нашей родины» (Программа ВСХСОН, стр. 71). Созданию организации и предшествовало индивидуальное осмысление ее основателями подлинной, нефальсифицированной истории России.

Решающим в духовном формировании будущих социал-христиан стал 1956 год. На XX съезде КПСС приоткрылась тяжелая завеса над кровавыми преступлениями эпохи сталинщины, в новом свете предстал

долгий путь «строительства социализма». Последовавшая за сенсационными разоблачениями Венгерская антикоммунистическая революция разбудила сознание молодого поколения, вызвала брожение в широких кругах. Атмосфера в стране переменялась. Появились первые ласточки «самиздата», даже в официальной советской литературе повеяло свежим ветром. Недолго продолжалась эта двусмысленная «оттепель», но она оставила живой след в душах. Кульминацией была публикация в «Новом мире» «Одного дня Ивана Денисовича» (1961 г.). Лично для меня после этой книги Солженицына идея подпольной антикоммунистической организации перестала быть чем-то отвлеченным, приобрела жизненную реальность. Стало совершенно ясно, что так продолжаться дальше не может.

Важную роль в нашем решении начать организационную борьбу с тоталитарным режимом сыграло рабочее восстание в Новочеркасске в июне 1962 года. Мы узнали об этом народном выступлении и кровавом его подавлении из разных источников очень скоро и в дальнейшем специально собирали всю доступную информацию. Впоследствии для нашего журнала «Социал-христианское отечество» была написана статья «Уроки Новочеркаска». Народная антикоммунистическая борьба продолжалась, и мы включились в эту живую традицию.

Организация возникла из дружеского общения нескольких лиц, в то время студентов университета. Инициатором и создателем ее был Игорь Вячеславович Огурцов, осенью 1963 года на конспиративной встрече зачитавший документ под названием «10 тезисов социал-христианства», составивший основу будущей Программы ВСХСОН. Признавая, что христианская религия не связана непосредственно ни с какой определенной социальной структурой, мы были твердо убеждены, что ее этические принципы могут и должны быть воплощены в экономической и политической практике. В дальнейшем, вслед за Н. А. Бердяевым, мы называли наше движение также персоналистическим, ибо исключительно важным считали восстановление личности; индивидуальное многообразие в свободном единстве признавали определяющим принципом социал-христианства.

Движение было направлено против тоталитаризма во всех его формах, речь шла о восстановлении здорового равновесия между личностью, обществом и государством. Безусловным злом признавалась и такая организация власти, при которой она является призом для соперничающих политических партий или монополизируется

⁷⁾ Г. П. Федотов. Христианин в революции. Paris, 1957. YMCA-Press, стр. 27.

одной партией. Партийная организация власти неприемлема с точки зрения социал-христианства.

В экономической области признавался безусловно необходимым институт частной (персоналистической) собственности, как материальный гарант действительной независимости человеческой личности. Однако это ни в коей мере не было возвратом к классическому капитализму, который, как и его болезненное порождение — коммунизм, предполагалось преодолеть христианизацией всей жизни общества. Самоуправляющиеся персоналистические коллективы, организованные в национальные корпорации, и крепкие сельские хозяйства на основе индивидуального пользования земель должны были бы составить решающую силу в хозяйственной жизни страны, устранить материальные препятствия на пути духовного роста человека.

Особенное внимание уделялось семье и проблемам воспитания. В противоположность марксизму, рассматривающему семью как экономическую категорию, социал-христианство видит в семье категорию духовную. Признавалась особая роль женщины как хранительницы домашнего очага, через семью оказывающую глубокое благотворное воздействие на нравственную жизнь общества. Не отказываясь от действительного влияния на духовное, умственное и физическое формирование человека, социал-христианство в то же время защищает право каждого на свободное развитие своей личности.

Важное место отводилось Церкви как свободной общине верующих; оговаривалось, что свою духовную миссию Церковь может выполнить только будучи независимой от государства и стремясь к вселенскому единству. «Христианской культуре присущ сверхнациональный характер, который в нашу эпоху сыграет решающую роль в деле сближения народов в единую всечеловеческую семью» (Программа ВСХСОН, стр. 66).

Исключительно ценной до сих пор остается идея Верховного Собора. Верховный Собор представляет собой воплощение духовного авторитета народа. Он должен состоять на одну треть из лиц высшей иерархии Церкви и на две трети из выдающихся представителей нации, выбираемых пожизненно. Не имея административных функций и законодательной инициативы, Верховный Собор располагает правом вето, которое он может наложить на любой закон или действие, которые не соответствуют основным принципам социал-христианского строя, чтобы предупредить злоупотребления политической властью.

Эти основные положения социал-христианской доктрины впоследствии детализировались и конкретизировались в Программе. Она стала возможной благодаря глубокому изучению целого ряда христианских мыслителей.

Решающим (в тот период) было влияние Н. Бердяева, из произведений которого у нас составила небольшая библиотека. Самыми значительными произведениями для нас были: «Новое средневековье» и «Русская идея», а также статьи «Проблема христианского государства», «Персонализм и марксизм», «Христианство и опасность материалистического коммунизма». Не во всем мы были с ним согласны уже тогда, но заражал сам пафос защиты личности и свободы, импонировала его эволюция — от марксизма к «идеализму», плодотворными казались некоторые его идеи. Метафизика Бердяева имела наименьшее значение. Сильно воздействовала его социальная публицистика, в какой-то степени — историософия.

Знакомы были мы с политико-богословскими сочинениями Ж. Маритена, перевели «Идею христианского общества» Т. С. Эллиота на русский язык, внимательно изучали папские энциклики „Mater et Magistra“, „Pacem in Terris“.

Изучение, размножение и распространение религиозно-философской литературы (к названным книгам можно добавить работы С. Л. Франка, Г. Марселя, Э. Мунье) было одной из основных форм нелегальной деятельности Социал-Христианского Союза. Нелегальной — ибо все эти книги находятся под фактическим запретом в СССР. При аресте были изъяты все оригиналы и переводы, машинописные и фотокопии и приобщены к делу в виде «вещественных доказательств» «преступной деятельности». В приговоре⁸⁾ все эти книги были определены как «антисоветская ревизионистская и религиозно-реакционная литература», причем в этот список попали и «Несвоевременные мысли» М. Горького, «Письма к Луначарскому» В. Г. Короленко, изданные в 20-е годы ленинградским издательством «Прибой», выдержки из мемуаров эмигрантов о гражданской войне и октябрьской революции.

Таков основной метод уничтожения исторической памяти в Советском Союзе: наглухо закрыть доступ к первоисточникам, философским и историческим; исключить из обращения всю литературу, в кото-

⁸⁾ Текст приговора (руководителям организации) см. в книге: ВСХСОН. Материалы суда и программа. Possev-Verlag, Frankfurt/Main, 1976.

рой объективно и правдиво излагаются идеи и факты; дать советскому читателю официальную версию, истинную на сегодняшний день и исключаящую все иные интерпретации и толкования. Все запрещенное и недозволенное попадает в обширные фонды закрытых библиотек и так называемых «спецхранов», пользоваться которыми можно только особо доверенным лицам по специальному разрешению «первого отдела». Получение подобной литературы из-за рубежа сурово наказывается, распространение ее рассматривается как проявление антисоветизма. Значительное число нынешних политзаключенных обвиняется в «незаконном хранении», размножении и распространении сочинений советских, немарксистских авторов.

Книги и машинописные работы, вместе со средствами размножения (пишущими машинками и фотоаппаратурой) были единственными «вещественными доказательствами», предъявленными суду, единственным серьезным оружием, которое было у Социал-Христианского Союза.

К моменту ареста организация насчитывала около 30 человек и была, по мнению западных советологов, наиболее многочисленной после смерти Сталина. Примерно столько же было подобрано потенциальных ее членов — «кандидатов». Помимо Программы, организация имела Устав, Присягу (которая давалась при вступлении в ее ряды), разработанную теоретическую структуру. Помимо Ленинграда и Москвы, ответвления ее были в Сибири, Прибалтике, во многих городах Европейской части СССР. ВСХСОН просуществовал ровно три года (первые аресты по доносу провокатора — в феврале 1967 года) — значительный срок для подпольной организации в советских условиях.

Как сказал на суде глава ВСХСОН И. В. Огурцов: «В Уставе нашей организации было записано, что каждый член ее должен быть проповедником, солдатом и ор-

ганизатором. Но это осталось только на бумаге. Практически мы представляли собой молодежный кружок, занимавшийся сбором книг, перепечаткой их, переводами с целью взаимного ознакомления».⁹⁾

Суровый приговор руководителям, которых судили отдельно по обвинению в «измене родине» (Огурцов получил 15 лет тюрьмы и лагерей строгого режима плюс 5 лет ссылки и в настоящее время находится в лагере), обосновывался тем, что они якобы «в целях захвата власти в стране организовали заговор». Обвинение представляется абсурдным, если учесть, что все участники организации были студентами или преподавателями высших учебных заведений. Они никак не были связаны ни с военными, ни с правительственными кругами, не располагали никакой реальной силой, и единственным их оружием, как уже говорилось, были книги «антисоветского содержания».

Но на это дело можно взглянуть иначе, и тогда станут ясны истинные мотивы обвинения. Сравнивая питерских социал-христиан с гвардейскими офицерами, в декабре 1825 года выступившими против Николая I, автор большой монографии об этой организации Дж. Денлоп пишет: «Хотя ВСХСОН, подобно декабристам, не представлял серьезной военной угрозы существующему режиму, идеи, которые он проповедывал — и продолжает проповедывать — являют собой, несомненно, огромную опасность. С нашей точки зрения, русское неославянофильство уже сейчас обещает быть главным идеологическим преемником продолжающейся гегемонии марксизма-ленинизма в СССР».¹⁰⁾

Утверждение проф. Денлопа, безусловно, верно. Единственно надо заметить, что «неославянофильство» ВСХСОН не является синонимом узкого национализма.

⁹⁾ Там же, стр. 16—17.

¹⁰⁾ J. V. Dunlop. Op. cit., p. 223.

НИКОЛАЙ ЛОБКОВИЦ

Религиозный элемент в обществе, достойном человечества

(Окончание)

В несколько иной перспективе находится мой третий и четвертый частичный ответ. Я настойчиво хочу указать на то, что живое присутствие религии позволяет обществу придерживаться основных ценностей даже в том случае, если изменяющееся от эпохи к эпохе и часто подверженное моде дня понятие рациональности пе-

рестанет являть собой удовлетворительную основу. И я утверждаю, что только люди с религиозными убеждениями могут помочь обществу придерживаться основных ценностей при наличии релятивирующей тенденции и в том случае, если их реализация потребует жертв.

Я указал выше, что современная наука

не может ответить на вопросы о смысле жизни. Она дает нам знания о закономерностях, с помощью которых мы можем осуществить намеченные цели; но она не ставит самой цели ни перед отдельным человеком, ни перед обществом в целом, ни перед государством. Если понять ее надлежащим образом, она этого и не может, и не хочет. Можно бы возразить, что существуют не только физика или социология, но также этика и политическая философия, и что они тоже в своем роде науки. Например, не могли бы абстрагированные от каждого религиозного элемента этика и политическая философия оправдать тот средний путь, о котором я говорил?

На этот вопрос не легко ответить. Я хочу заранее сделать двоякую предпосылку. Во-первых, без сомнения, есть люди, никогда не бывшие религиозными, или совершенно утратившие веру, и которые, тем не менее, безо всяких колебаний придерживаются основных нравственных ценностей и культуры их общества и ведут себя так, что могут даже быть образцами для людей с религиозными убеждениями. Во-вторых, время от времени встречаются философы и философские категории, в которых много, если не большинство, ценностей и норм религиозного происхождения, имеющих значение для нравственного поведения, объявляются убедительно без ссылки на религиозность. Также существуют иногда без всякого отношения к религии и мудрая скромность ученого, знающего границы рациональных усилий, и вдумчивая опытность как инженера, так и политика, которые без всякого уничижения знают, что ни технология, ни общественные реформы не могут настолько изменить мир, чтобы человек окончательно почувствовал себя в нем как дома. Отрицание вышеизложенного и утверждение — как время от времени можно слышать от активных христиан, что якобы не христианин никогда не может даже стремиться хотя бы к порядочному образу жизни — обнаруживает не только глубокое незнание именно современного человека, но и высокомерие, которое не к лицу христианину.

И все-таки мне кажется, что мы встречаемся с подобными явлениями только потому, что при действующих религиозных традициях они вкоренились в общество. Для подтверждения этого мнения приведу один пример с двояким объяснением.

Во-первых: меня всегда поражал следующий феномен смены поколений в Соединенных Штатах. Туда эмигрировали из Австрии и Германии представители так называемого «Венского кружка» (т. е. неопозитивизма) — философы, считавшие,

будто они открыли, что традиционная религиозность, а также этические высказывания не только не верны, но в конечном смысле семантически бессмысленны. Их критика традиционной философии, метафизики, теологии и этики вела практически к тотальной деструкции, которая, тем не менее, была основана ни на чем другом, как на теоретическом пафосе познания и науки. Эти лица были одновременно необыкновенно образованными и высоконравственными людьми; им бы и во сне не приснилось вести себя иначе, чем вели себя их родители, только потому, что они не разделяли их теоретических убеждений и полагали, что разоблачили их как игру слов. Но то, что они передавали как преподаватели высшей школы, была не пережитая ими житейская мудрость, их культура, их личная нравственность. Преподаваемое ими было систематической деструкцией теоретических основ их форм поведения и жизни. Последствия можно было наблюдать на их учениках: они усвоили только критическую установку их учителей, но не их личную нравственность. И уже у следующего поколения студентов, так сказать, у академических внуков, сейчас двадцатипятилетних и тридцатипятилетних, дошло до бунта: до резкого протеста против экзистенциальной незначительности того, чему они должны были учиться, а дальше привело или к отклонению в различного рода идеологии, или, большей частью, после окольной дороги через идеологию, к безрефлексному, даже избегающему рефлексии возврату к умозрению, к метафизике, к традиционно направленной этике.

Могу обобщить это наблюдение. Хотя вполне возможно следовать нравственным нормам исторически-религиозного происхождения, не имея религиозного убеждения, невероятно трудно, а в дальнейшем вообще невозможно передать дальше эти нормы без религиозной основы. Правда, отдельные лица вследствие их жизненного пути могут придерживаться основных ценностей, даже если оправдания этих норм у них больше нет, но общество, которое представляет собой общину учащихся друг у друга поколений, или не в состоянии этого сделать, или может это сделать только с большим трудом.

Можно дополнительно иллюстрировать это маленьким анекдотом.

Когда в 1950 году я был в Цюрихе, там было принято с наступлением сумерек звонить в колокола. На мой вопрос, что этот звон — очевидно, воспоминание об «Ангелусе» (вечерняя молитва в церкви) — должен означать, мне сказали, что это теперь «гражданский вечерний звон». Не знаю, звонят ли и теперь в Цюрихе вечером ко-

локола; но совершенно ясно, что такая, лишенная всякой внутренней связи, выхолощенная традиция может исчезнуть в любой момент. Достаточно, если кто-нибудь с полным правом укажет, что «гражданский вечерний звон» — довольно глупая, сомнительная, да еще и дорого стоящая затея.

Во-вторых: все конституции государств так называемого свободного мира были созданы людьми с религиозными убеждениями. Поэтому основные ценности, изложенные в этих конституциях, исходят из понятия о человеке, который, как человек, хотя и является центральным пунктом политической жизни и сообщества людей и, следовательно, представляет собой источник легитимного господства, но этот же человек рассматривается как существо, которое связано с трансцендентным порядком, и даже общество, легитимирующее государственный порядок и его представителей, не считаются произвольными — им поставлены границы, исходящие в конечном счете из того, что существует Творец и созданный Им порядок вещей. Эти основные ценности или основные права в большинстве конституций изложены в настолько общих выражениях, что каждый, в том числе и атеист, их может признать. Но их религиозное происхождение очевидно. И тут не стоит даже указывать на вступительную формулу, в которой ясно высказана религиозная связь, как, например, в словах «равен перед Создателем» в Американском Манифесте Независимости, или в начале преамбулы конституции Западной Германии: «В сознании своей ответственности перед Богом». Достаточно взглянуть на эти упомянутые ценности, принимая во внимание, что они преподаны миру, в котором издревле и эти ценности, и права практически все время попираются ногами, как нечто само собою разумеющееся. А разве само собою разумеется, что достоинство человека неприкосновенно, что неприкосновенные и неотъемлемые права человека являются основой каждой человеческой общины, что никому не должен быть причинен ущерб или оказано предпочтение из-за его пола, происхождения, расы, языка и так далее? Все это только в том случае разумеется само собою, если христианский или религиозный контекст предполагает связь ответственности перед Трансцендентностью, перед Абсолютностью, перед Богом.

Но не может ли подобное быть оправдано и без всякого религиозного элемента? Не могли бы здесь вместо религии выступить арелигиозные этика и политическая философия? Я полагаю, что это невозможно по двум причинам. Во-первых, философия, вследствие ее давней истории, очень

специальная и дифференцированная дисциплина, аргументы которой могут быть доступны некоторым интеллектуалам, но не людским массам. Она вряд ли пригодна вызвать само собою разумеющуюся общественную договоренность. Во-вторых, как раз практическая философия, этика и политическая философия могут аргументировать только постольку, поскольку они могут сослаться на очевидность. Это — пункт, который часто не учитывают: этика всегда только философская рефлексия на уже признанную систему ценностей, но никак не законченное создание такой системы без всякой предпосылки у слушателей. Такая рефлексия помогает упорядочить многообразие представлений о системе ценностей, обосновывает связь между ними и одновременно, от случая к случаю, уточняет нечеткие границы системы. Но для того, чтобы знать, какие представления о ценностях вообще можно брать масштабом для правильности этических аргументов, да и независимо от всей философской этики должны существовать моральные убеждения. Например, для того, чтобы установить, категорический ли императив, утилитаристская аргументация или феноменологический показатель действительных норм выполняет то, что, смотря по обстоятельствам, выдается за их выполнение, у философа и его учеников должно быть множество примеров, относительно которых не возникает вопросов; они должны знать, что они считают хорошим или ценным, или, наоборот, плохим и лишенным всякой ценности. Конечно, философия может попробовать оправдать такие основные убеждения, как таковые о достоинстве человека, неприкосновенности его жизни, равенства перед законом. Но это оправдание, если не смотреть на детали, всегда будет носить характер рациональной реконструкции того, о чем философ и его ученики знают заранее, что это правильно. Этика и политическая философия относятся к живой нравственности и к обычным взглядам на человеческое сожительство ничуть не иначе, чем богословие и философия к религии: они заранее предполагают убеждение как основу рефлексии, как условие ее возможностей.

В-третьих; итак, альтернатива гласит: не религия или философия, а скорее коренящаяся в религиозном убеждении или лишенная всякого религиозного элемента нравственность. Значение этой альтернативы можно измерить лучше всего на вопросе абсолютности или соответственности относительности этических норм, а также политических основ. Достоинство каждого человека неприкосновенно. Понятно, в нормальное время и в упорядоченных усло-

виях. Но всегда ли и без исключения? И даже в предельных ситуациях, когда нужно решать судьбу тысяч людей, а, возможно, и всего общества? И даже тогда, когда политическая система грозит развалиться, а новой солидарности можно достигнуть, лишив маленькую группу людей всякого достоинства? И тогда, когда ради достоинства немногих людей тысячи других должны приносить жертвы, которые кажутся им невыносимыми? И в том случае, когда возникает мнение, что, применив немного насилия, с помощью небольшой гражданской войны или нескольких убийств можно было бы основать новое, более здоровое общество?

Большинству этических норм свойственен общий облик: «Ты не смеешь делать А, если только не наступит условие Б». «В — твоя обязанность, если только ты не находишься в условиях Г». Эту структуру можно интерпретировать двумя способами. Можно сказать, что, в конце концов, только конкретная ситуация каждый раз позволяет решать, что нравственно, что позволено, что следует делать, и что запрещено. Но можно также сказать, что для каждой, хотя бы самой обоснованной нормы существуют условия, при которых она не обязывает, для каждой основной ценности есть положения, при которых ею можно пренебречь. Часто очень трудно различить между этими двумя структурами аргументации. И все же разница между ними весьма значительна. В первом случае поставлен вопрос, какая норма в какой ситуации обязательна; во втором — существуют ли условия, при которых этическими обязанностями и основными ценностями можно пренебрегать или их отбрасывать.

Трудно себе представить, как нравственность без всякого религиозного элемента может избежать опасности выбрать последнюю аргументацию. Если в самой сокровенной глубине моего существа не существует обязывающей меня инстанции, если моя совесть создается только обстоятельствами, в которых я вырос, если в этом мире человек, человеческое общество, все человечество с его долгой историей предоставлены самим себе, ответственные только перед самими собой, если этические нормы и нравственные основы политического сосуществования — это не что иное, как секулярная стратегия для того, чтобы выжить, — то становится трудно понять, почему и в какой мере в области человеческих поступков должно быть абсолютное, почему нужно считать священными основные ценности, если в конкретных ситуациях без них проще обходиться? Только общество, имеющее по крайней мере представление о том, что у человека есть нечто

проде трансцендентной связи, может воспитывать в своих членах сознание о существовании норм и основных ценностей, ради которых непозволительно уклоняться ни от огромных трудностей, ни от тягчайших жертв. Только потому, что всегда находятся люди, которые своей жизнью и своим примером показывают, что и в самых тяжелых конфликтах обязанности и основные ценности выше личных интересов и личной выгоды, общество может надеяться надолго сохранить свои основные ценности от релятивизирующего размывания. За редкими исключениями трудно себе представить, как могло бы возникнуть множество вышеупомянутых примеров, если бы не было религиозных общин или если бы из общества исчез религиозный элемент. Позвольте мне едва допустимое для христианина высказывание: если не было бы религии, ее нужно было бы изобрести для того, чтобы у общества была возможность выжить и остаться нравственной общиной. Со времен французской революции и до коммунистической системы это видели и признавали даже те личности, которые презирали и ненавидели традиционную религию; если исчезает старая религия, ее должна заменить новая; если к нам не предьявляет требования Господь Бог, то это должен сделать «Великий брат» — называйся он Сталиным или Мао.

Указание на значение примеров из религиозной области подводит меня, наконец, как мне кажется, к самому существенному частичному ответу: без религии исчезли бы, с одной стороны, примеры самоотверженной жертвенности, которые поднимали бы дух людей, и, с другой стороны, — примеры осознанного приятия неизбежного, несовершенства, одиночества, вины, страданий и смерти.

Конечно, и вне религиозной областиывают примеры самоотверженного героизма. Но это почти без исключения скорее примеры инстинктивного действия в предельных ситуациях: человек рискует своей жизнью, чтобы спасти незнакомого из горящего дома; вытаскивает из воды утопающего ребенка; предотвращает несчастный случай. Но чего почти не бывает без религиозной основы — это примеров того, как люди посвящают всю свою жизнь таким занятиям, которые с мирской точки зрения, преграждают путь к личному развитию, и посвящают себя исключительно самоотверженному служению людям. Вспомните о сестре Терезе в Калькутте: что, с мирской точки зрения, кажется бессмысленное, чем поставить себе одну единственную задачу — проявлять любовь и готовность помочь умирающим людям в последние недели их жизни? И все-таки и атеист, для которого

сущность человека окончательно и безвозвратно стирается смертью, отнесется с глубоким уважением к такой деятельности. При том от нашего внимания ускользает, что среди нас есть не только такие святые, которые случайно вызвали интерес общественности или массовых средств информации. Хотя в удручающе убывающем числе, но в нашей среде есть еще сотни мужчин и женщин — монахов и монахинь, — работающих в больницах, домах для дефективных детей и престарелых без индивидуального вознаграждения, без регулярных часов работы, без претензии на знаменитую свободу развития личности, а часто и почти без возможности — в чем заключено их величайшее желание — тихой молитвы перед алтарем. Нужно самому пережить, что значит, именно теперь, в век организованного обслуживания больных, если монашеский орден решает окончить свою работу в какой-нибудь больнице: еще годы спустя врачи вспоминают времена, когда они имели дело не с медсестрами, для которых их деятельность только «джоб», работа, как всякая другая.

Но если религии больше не было бы, то исчезли бы не только эти образцы самоотверженной деятельности; исчезли бы и значительные примеры того, как человек может преодолеть кажущиеся бессмысленными превратности и придать смысл мучительной неизбежности. Самая большая слабость всех политических идеологий, включая и демократическую, в том, что они хотя и сулят человеку хорошую жизнь, но когда речь заходит о несовершенстве, страданиях и смерти, оставляют его на произвол судьбы. Поскольку можно говорить о социологической функции религии, то она была и остается следующей: объяснить стремящимся к совершенству людям, почему они должны принять несовершенство; научить стремящиеся к удовольствиям рациональные существа тому, что страдания не должны быть только источником страха и отвращения, а могут быть поводом для развития человеческого величия и именно в самом страдающем; и пред лицом всем нам предстоящей смерти дать нам утешение и надежду.

Можно подумать, что во всем, что я говорил до сих пор, есть социо-политическое соотношение, но только что упомянутый пункт относится к области строго личной и предельно частной, и ему нет места в прениях о достойном человека обществе. Я не придерживаюсь этого мнения по следующим причинам: в прошедшие десятилетия и столетия христиан, в особенности католиков, упрекали в том, что их ориентация в этом мире препятствует добросовестному и энергичному занятию своими обязаннос-

тями теперь и здесь. Маркс в своих ранних произведениях обобщил этот упрек в четкой фразе: «Критика религии должна разочаровать человека, дабы он думал, действовал, созидал свою действительность как разочарованный, чтобы он двигался вокруг самого себя, и таким образом вокруг своего действительного солнца».

Мы — и тут я подразумеваю людей нашего индустриального общества, независимо от того, религиозны они или нет, — постепенно слишком хорошо усвоили, что мнимая ось нашего личного, социального, политического существования, а именно — человек, со всех точек зрения радикально несовершенное, даже жалкое существо. Так можно было бы сделать открытие, что то, что постоянно преподносится религии, как упрек — ее самое большое достоинство: она позволяет не только видеть и переносить то, что человек — несовершенное существо, но что все его технологические и социально-реформаторские усилия не могут преодолеть его несовершенства.

В течение трех столетий, яростнее от декады к декаде, религию брали на прицел интеллектуальной критики за то, что она не дала возможности человеку справиться с рациональным проникновением в мир, добросовестно овладеть природными и общественными условиями человеческого существования, и что она вообще отчуждает от стараний справиться с человеческим несовершенством. В период времени, в котором, как мы теперь видим ежедневно, рациональности положен предел, когда каждое преодоление технологических и социально-политических проблем создает новые проблемы, а человек в своем существе не стал совершеннее, чем тысячу лет назад, — религия может, будь это хотя бы в неясном образе религиозного элемента, помочь перенести становящиеся все более очевидным поражение всех усилий современности. Несмотря на все социальные усилия государства, человек не защищен от несчастия; несмотря на все педагогические усилия, он всечасно становится виновным; несмотря на великолепные открытия врачебного искусства, он заболевает и умирает. Хотя мы друг перед другом стараемся боязливо это замолчать и затушевать, мы знаем и с каждым днем сознаем яснее, чем предыдущие, восторженно верившие в прогресс поколения: мы должны смириться с тем, что в этом мире совершенства нет. Принятие этого важно не только для личной жизни, это имеет также очень большое политическое значение. Потому что только в том случае, если человек сможет переносить свое несовершенство, он не будет постоянно возвращаться на путь утопий, чтобы, в конце концов,

создать для своего существования еще более мучительные условия. Только понимание врожденных человеческих несовершенств, и основных несовершенств общества и политических учреждений предохраняет человека от экспериментов, которые его неизменно ведут к новым катастрофам; и только религия, как мне кажется, может помочь человеку перенести с открытыми глазами сознание этого несовершенства.

Разрешите мне закончить следующим замечанием. Я попытался изложить, что потеряло бы общество, старающееся быть достойным человека, если в нем отомрет религия, вымрут религиозно мыслящие, исчезнет религиозный элемент. Я не говорил о том, что теперь несравнимо труднее быть религиозным, чем пятьдесят или тем более сто лет тому назад; и я не останавливался на многом, вызывающем сомнения, даже негативном, что имеет обыкновение пузыряться в фарватере каждой религии,

даже христианства, — от психопатологических феноменов до нетерпимости, даже жестокости во имя религиозной истины. Я это сделал, между прочим, потому, что выбор предложенной мне тематики мне кажется странным, искусственным, выдуманым, не собственным, потому что последнее и единственное оправдание религиозного, — тут я возвращаюсь опять к своему исходному замечанию, — есть положение, что Бог предложил нам Свою любовь, и непонятно, почему мы не отвечаем на Его призыв. В конце концов, должно поставить вопрос не о том, насколько возможно достойное человека общество без религиозного элемента, а как возможно, что мы вообще задаем такие вопросы. Но для того, чтобы говорить об этом, я должен был бы начать новый реферат, в котором речь шла бы не о социо-политической функции религии, а о грешности в самом существовании человека, и об исторической греховности человечества.

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВСКИЙ

Не „Иваниана“, а „Яновиана“

В выпусках IX и X журнала «Континент» помещена статья Александра Янова «Комплекс Грозного/Иваниана». Это — переработанный кусок большой книги, которую автор написал четыре года назад, еще будучи в Москве. В предисловии Пятигорского к этой статье говорится: «Есть люди, ... которым неприятно отношение Янова к корифеям русской историографии... Янов пришел (скорее ворвался) во вполне respectable квартиру классической историографии явно неприглашенным... Он нагло придумал... свою циклическую концепцию русской политической истории от Ивана III до... неизвестно кого... И чорт знает, что по этой концепции выходит: ... царь Шуйский и Лжедмитрий были не так уж плохи, а Иван Грозный, Петр Великий и — о ужас! — даже Екатерина Великая — куда как выродки». (К—IX, стр. 313—314).

Пятигорский явно говорит не о статье, а о книге Янова. Статья последнего (кусок большой книги) посвящена преимущественно опричнине Ивана Грозного, как «эпизоду русской истории», который, по утверждению автора, якобы представляет собой редкую возможность «проверить теоретическую посылку своего рода историческим экспериментом». Иначе говоря: сразу же создается впечатление, что Янов остался верным методу «классической» марксистской историографии, подменяющей

жизненные сущности схематическими моделями, созданными по линии определенной предвзятости. И дело, конечно, не в том, что Александр Янов «ворвался» непрошеным гостем в «respectable квартиру» русской классической историографии, а в том, что он «нагло придумал» (т. е. выдумал) свою «циклическую концепцию русской политической истории от Ивана III до... неизвестно кого». И не чорт, а сам Янов прекрасно знает, что по этой концепции выходит!

И, конечно, с точки зрения научной историографии, статья Янова интересна не его «циклической концепцией» русской истории, а своей тенденцией — и тенденциозностью. Эта тенденция обнаруживается уже во вступительном абзаце статьи. По словам автора, Демократия (с большой буквы!) — единственный в мире «политический вид», не боящийся критики и свободного интеллекта, — «единственный вид», разрешивший ключевую, судьбоносную для любого общества проблему преемственности власти — без катаклизмов, дворцовых переворотов и ГУЛагов». «Вид» этот — по Янову — «не свалился с неба»: он произошел из авторитаризма. Правда — говорит автор — из авторитаризма же произошли и все тирании...

Не скрою: меня, как историка, высказывания Александра Янова — надуманные и предвзято-схематичные — не убеди-

ли. Правда, он тут же констатирует, что «авторитаризм авторитаризму рознь», что «история знает **разные классы** авторитарных систем». Но тут я вынужден привести более длинную цитату из статьи Янова, — цитату о «разных классах авторитарных систем». Янов пишет:

«Одни из них — я называю их Абсолютистскими (с большой буквы! — А. М.) — ведут страну по магистральному пути политического прогресса. А другие — я называю их Автократическими — ведут от ГУЛага к ГУЛагу, по корням и терниям окольных исторических проселков... Одни способны к **поступательному** развитию, а другие — только к **циклическому**, всякий раз воспроизводя на новом уровне сложные традиционные параметры. И если идеальным финишем Абсолютизма является Демократия, то идеальным финишем Автократии может явиться лишь Абсолютизм, т. е. такая **переходная** форма авторитаризма, из которой, вследствие ее поступательного развития, может в конечном счете родиться и Демократия». (К—IX, 316—317).

Приведенная цитата, представляющая собой исходный тезис и основную предпосылку «циклической концепции» Янова, сразу же заводит читателя, не умудренного опытом и методами «классической историографии», в такие дебри терминологической путаницы понятий, что стирается разница между «циклической концепцией» и **порочным кругом** размышлений — и измышлений, — по которому с такой легкостью и непринужденной предвзятостью порхает Александр Янов. Не ставя себе даже вопроса, в чем же **существенная** разница между **абсолютной** (и, следовательно, неограниченной и «безответственной») властью и **автократией** (в смысле самовластия), но и «самодержавием» (т. е. в основном его значении «суверенности»), — Янов прежде всего обнаруживает полное непонимание того, что собой представляет, например, деспотия классического образца, авторитарный строй и, наконец, **тоталитаризм**. Аркадий Столыпин отметил это в своей оценке сборника «Демократические альтернативы» (среди авторов которого значится и Янов): «Ни Иван Грозный, ни Людовик XI, ни Филипп II не представляли собой угрозы всему миру... Иное дело — тоталитаризм, основанный на принудительной идеологии, выработавший глобальную стратегию, ... действующий в одном направлении, чтобы создать свою рабскую систему во всем мире. А Янов этого тоже не видит. Наоборот, он старательно ублачивает и без того податливую западную публику. Дескать, в тоталитаризме нет ничего нового, он то же самое, что и авто-

ритарные режимы, просуществовавшие и раньше много веков. Режимы, которые никому особенно не угрожали, и с которыми Запад прекрасно уживался». («Посев», № 4, 1977).

Читая статью Янова «Комплекс Грозного/Иваниана» с должным вниманием (что, сознаюсь, не легко), нельзя не согласиться с ее оценкой А. П. Столыпиным. По мнению Янова, ключевые фигуры русского прошлого (и **русского будущего!**) — это «отец русского Абсолютизма» Иван III и «отец русской Автократии» Иван Грозный. В середине XV века — «на волне антитатарской освободительной **революции**» (так и написано у Янова черным по белому: «освободительной революции!») — Россия якобы сумела создать «**европейскую** абсолютистскую систему», оказавшуюся, правда, вследствие многих исторических причин, неустойчивой: «Ровно столетие спустя после нового, на этот раз отечественного татарского нашествия, после **автократической контр-революции Грозного** (подчеркнуто мной — А. М.), в результате которой русская политическая система стала — якобы! — первой в мире **автократией**». (Не слишком ли велика честь для опричнины Грозного?).

Основной тезис Янова сводится к трем положениям:

1) «столетие Абсолютизма» (с 1492 по 1564) «заложило в фундамент исторической памяти России пылкую и неистощимую жажду свободы, совершенно неизвестную народам, изначально выросшим в Деспотии»;

2) «обусловило **неистребимость русской оппозиции, уничтожаемой очередным Грозным (!) и столь же неукротимо возрождающейся из праха погибших**»;

3) «обещает в перспективе **обратную метаморфозу — из Автократии в Абсолютизм**...» (К—IX, 318).

Здесь сам собой напрашивается вопрос: приняв тезис Янова о «диалектическом» поступательном развитии от Автократии — через Абсолютизм — к Демократии, не закрываем ли мы глаза на не менее «диалектическое» развитие в обратном направлении: от Демократии — через Абсолютизм — к Автократии (и даже охлократии)? Подобные примеры в истории были, но их трудно вместить в «циклическую концепцию» Янова применительно ко **всем** и **р**н **о**й истории. Но втиснуть в ее рамки историю **России** Янов считает явно возможным. Он спрашивает:

«Но что знаем мы о русском Абсолютизме, об Абсолютистском столетии, которое есть основа нашей надежды и перспективы? Что знаем мы, что знают наши дети хотя бы об Иване III? Да можно сказать —

ничего. Но зато Грозный, **основоположник российского ГУЛага**?! — (подчекнуто мной), возведен у нас в перл создания, зато им засоряют мозги нации на каждом шагу». (К—IX, 326).

Александр Янов, ища новых подтверждений своего тезиса об Иване Грозном, как «основоположнике» всех будущих ГУЛагов, не может пройти мимо того, что он называет «главной загадкой Иванианы». Приводя разноречивые суждения более или менее авторитетных историков о так называемом «голубом» периоде царствования Ивана IV, — о периоде его «мощных и неожиданно-либеральных» административно-политических реформ, Янов ставит вопрос: «Мыслимо ли, в самом деле, совместить в одном лице пронизательного реформатора и бездарного интригана, 'мужа чудного рассуждения' и омерзительного тирана, 'покорителя трех государств' и вульгарного труса?.. Можно ли представить себе — рассуждал, например, Погодин, — чтобы юный царь, совсем еще мальчишка, буйный и похотливый, не имевший ни политического опыта, ни систематического образования, не располагавший никакой достоверной информацией о своей стране, вдруг, буквально в один прекрасный день, превратился в первоклассного государственного деятеля? — И Александр Янов тут же предвосхищает ответ на все эти вопросы: **«Если царь был непричастен к великим реформам, и если они, несмотря на это, все-таки проводились, значит, за ними стояла какая-то другая сила, не менее могущественная, чем царь!»**... (К—IX, 328—329).

Что Александр Янов подразумевает под «другой силой», — вскрывается только во второй части его статьи, да и то косвенно. Янов лишь вкратце касается точки зрения историков, считавших Грозного первоисточником национального государства, великим борцом против вотчинных отношений. Есть историки, говорящие о «неизбежности» и «оправданности» **о**причины. Как бы в ответ им, Янов приводит слова С. М. Соловьева об Иване Грозном: «Не произнесет историк слова оправдания этому человеку». И замечает: «Мы находим здесь высокое духовное благородство и нравственную чистоту. Мы находим здесь ужас перед необходимостью искать оправдание очевидному злодейству». (К—IX, 332).

Тут Янов, несомненно, нашел верные слова. Но и здесь, во избежание недоразумения, приходится заметить, что С. М. Соловьев, во всяком случае, не имел оснований «испытывать ужас перед необходимостью (?) искать оправдание очевидному злодейству». Такое замечание в связи с его именем не только излишне, но и неуместно. Из современных советских историков Янов

рассматривает работу некоего Горского, о котором не стоило бы говорить, если бы его концепция не оказалась вдруг основой «истинно-марксистской» оценки Грозного, господствующей до сих пор. По словам Горского, «Иоанн хлопотал о том, чтобы идее государственной дать торжество над началами, ей противоположными... Идея эта поставила Иоанна выше понятий века: она вознесла его на высоту недосягаемую, недоступную для современников... Так эпоха создания русского национального государства выступает как время острой и напряженной борьбы: старого и нового, прогрессивных и реакционных сил». (К—IX, 335—336).

Сам Янов добросовестно называет сочинение Горского «забавным курьезом». Другое дело — работа Белова «Об историческом значении русского боярства», которая приходит, по мнению Янова, к выводу, что наличие в составе политической элиты — вместо независимого и государственно мыслящего боярства — социального слоя всецело **зависимых** от власти бюрократов (так называемой «партии дьяков») обеспечивало этой власти постоянную **независимость** от всех, в том числе и от верхних классов общественной системы... В результате — историка Янова заслоняет Янов-публицист, не лишенный к тому же и художественно-литературных притязаний, которые окончательно затушевывают чувство исторической действительности не только предвзятыми схематическими моделями, но и парящими над жизненными реальностями «видениями» и чаяниями — если не пророка, то, по крайней мере, современного астролога-«звездочета». Первую часть своей статьи Александр Янов кончает словами:

«Какими бы закоулками и тупиками ни вела страну Автократия, как бы ни пыталась она отторгнуть интеллект нации от ее инстинктов, общественное сознание от обыденного, как бы ни старались искалечить и мистифицировать ее политическую культуру, манипулируя ее судьбой; как бы ни желала она (злодейка Автократия! — А. М.) наглухо закрыть своей черной тучей ее небо, но там, за тучей, — все равно было солнце. И солнце это, пусть чуть теплое, бледное, средневековое, когда-то ей светило. И тепло этого солнца потихонечку и независимо даже от ее разума обращалось в ее жилах вместе с густой тьмой к автократии и не давало ей застыть вечным льдом азиатского деспотизма. Многие перспективы будут возрождаться с представлением об этом «утраченном рае» **европейского абсолютизма в русской истории** (подчеркнуто мной — А. М.). Ибо в нем — основа надежды»... (К—IX, 343).

Объем моей статьи не позволяет мне остановиться несколько подробнее на **лирических** излияниях Александра Янова, который говорит только об «интеллекте» и «инстинктах» нации и одновременно обвиняет пресловутую «Автократию» в том, что она старалась искалечить и «мистифицировать» политическую «культуру» этой нации. Любопытно было бы узнать, что подразумевает автор **действительно** под явно двусмысленным в контексте понятием «мистифицировать»... Есть ли «нация» только «коллектив»? Или «соборная личность»?.. Нет, я далек от стремления «мистифицировать» автора. Единственный вопрос, который хотелось бы задать не Янову-публицисту, а Янову-историку, сводится к следующему: оправдано ли, с точки зрения **исторической** правды, искание корней «европейского абсолютизма» в эпохе, которую он называет «освободительной революцией Ивана III», а не в эпоху, скажем, великих реформ императора Александра II? Правда, при честном ответе на этот вопрос **историка** Янова неизбежно рухнет вся его «циклическая концепция» политической истории России и ее **духовной** культуры...

Во второй части своей статьи Александр Янов вновь возвращается к «комплексу Грозного», к «Иваниане», к **о п р и ч н и н е**. Начинается она довольно длинной цитатой В. О. Ключевского — не только «крупнейшего историка», по словам автора, но и «первоклассного русского художника» слова, которого «нельзя пересказать: он должен говорить за себя сам». Приведем и мы эту цитату:

«Что такое на самом деле Московское государство в XVI веке? Это была абсолютная монархия, но с аристократическим управлением, т. е. правительственным персоналом. Не было политического законодательства, которое определяло бы границы верховной власти, но был правительственный класс с аристократической организацией, которую признавала сама власть. Эта власть росла вместе, одновременно и даже рука об руку с другой политической силой, ее стеснявшей... Бояре возомнили себя властными советниками государя всея Руси в то самое время, когда этот государь, оставаясь верен воззрению удельного вотчинника, согласно с древнерусским правом, пожаловал их как дворовых слуг своих в звание холопов государственных... Ни боярство не сумело устроиться и устроить государственный порядок без государевой власти, к какой оно привыкло, ни государь не знал, как управиться со своим царством в его новых пределах. Обе стороны не могли ни ужиться одна с другой, ни обойтись друг без друга. Не умея ни поладить, ни

расстаться, они попытались разделиться, жить рядом, но не вместе... Выходом из затруднения была **о п р и ч н и н а**... Среди густых лесов... возникла опричная столица с дворцом, окруженным рвом и валом, со сторожевыми заставами по дорогам. В этой берлоге царь устроил дикую пародию монастыря, подобрал три сотни самых отъявленных опричников, которые составили братию, сам принял звание игумена..., покрыв этих штатных разбойников монашескими скуфейками, черными рясами, ... в церкви читал и пел на клиросе и клал такие земные поклоны, что со лба его не сходили кровоподтеки... В опричнине он чувствовал себя дома, настоящим древнерусским государем-хозяином среди своих холопов-страдников, мог без помехи проводить свою личную власть, стесненную в земщине нравственно-обязательным почтением к почитаемым всеми преданиям и обычаям... Но сверх того царь указал опричнине задачу, для которой в составе тогдашнего управления не существовало особого учреждения...: **удельное ведомство** должно было стать еще высшим **институтом** охраны государственного порядка от крамольников, а опричный отряд — корпусом жандармов и — вместе — экзекуционным органом по изменным делам... (К—Х, 365—367).

Представляю себе, какое «подтверждение» своей «циклической концепции» нашел Янов в последних словах цитаты В. О. Ключевского, «крупнейшего историка», по словам того же автора, но и любителя остроумных сравнений и даже каламбуров. Между тем Ключевский говорит только об одной из побочных задач опричины, а не о ее **существо**, которому посвящена большая часть цитаты. К стати: о подлинной подоплеке опричины говорит и другой «крупнейший русский историк», академик С. Ф. Платонов, в своих замечательных «Очерках по истории Смуты в Московском государстве» (С.-Петербург, 1910 г., стр. 172):

«Как сказочный Геракл успел одолеть Антея, потому что оторвал его от земли, его родившей, так исторический Грозный навсегда сломил политическую силу титулованного боярства, потому что оторвал его от наследственных вотчин и пересадил в новые условия службы и хозяйства. Сложность предпринятого пересмотра и пересмотра и передвижения земледельцев была причиной того, что от операции пострадали не одни княжата, но и люди простые и далекие от политики. Личная жестокость и распущенность Грозного повела к тому, что сложное политическое дело было еще более осложнено ненужными казнями, пытками и грубым развратом. Крутая по своей сущности мера приняла характер тер-

рора именно потому, что ее прямой смысл был затемнен непонятными и страшными способами действия. Вся страна содрогалась от страха опричнины и жестокостей Грозного»...

В статье — и, по-видимому, в книге — Александра Янова о фундаментальных исследованиях проф. С. Ф. Платонова вообще не упоминается. Что же касается Ключевского, то Янов особенно важным считает два положения его концепции: во-первых, что Ключевский якобы усматривает действительный конфликт русской политической практики в несовместимости «абсолютной монархии» с «аристократическим правительственным аппаратом» (тогда как Ключевский конкретно говорит только об Иване Грозном и опричнине); во-вторых, по словам Янова, «неспособная разрешить этот конфликт» опричнина выглядит у Ключевского диким, кровавым, но все же **частным эпизодом русской истории** (подчеркнуто мной — А. М.). Эпизодом, хотя и вызвавшим страшные потрясения Смутного времени, но обязанным, главным образом, личному характеру царя Ивана»... (К—Х, 275).

Янов этого вывода Ключевского не принимает. Он упорно цепляется за свою «циклическую концепцию», упрямо внося ее читателю, утверждая, что именно от опричнины ведет счет своих дней **российская автократия**: опричнина была ее первой экономической победой и, что еще важнее, культовой победой: «Опричнина сделала автократию необратимой. **В этом ее великое историческое значение.**» (! — подчеркнуто мной — А. М.). По мнению Янова, этого не заметил ни Ключевский, ни знаменитый английский историк Тойнби. «Не заметил» этого и такой глубокий исследователь русской истории XVI—XVII вв., как Платонов. «Заметил» это зато зоркий пророк «циклической концепции» Александр Янов. Правда, при внимательном чтении его «опуса» невольно создается впечатление, что пишет-то он «И в а н и а н у», а получается скорее... «Я н о в и а н а»...

И сам же он ставит вопрос: «зачем нам так углубляться в... дремучие историографические дебри?». Но и сам же дает ответ: это, видите ли, «сама судьба наша, потому что опричнина — **жива в России**» (заметьте: в Р о с с и и, а не в С С С Р!), и «более, чем наивно локализовать ее в Александровской слободе XVI века». По утверждению Янова, «на самом деле опричнина есть просто способ функционирования полуазиатской политической системы, существующей много столетий. В этом смысле суть опричнины заключается в отчуждении от государственной администрации («Земщины») ее политических функций». (К—Х, 275).

Итак, по Янову, суть опричнины — в **двухслойной** структуре управления, основанной на двух параллельных иерархиях власти, «одна из которых сохраняет при этом верховную суверенность, а другая выступает ее исполнительным органом. **Опричнина — это не разделение властей, а разделение функций между политической и административной властью.**» (К—Х, 275). Но в таком случае понятие «опричнины» теряет свою специфичность, становится понятием, применимым ко всем временам и ко всем народам мира, — подобно понятию «диктатуры» и т. п. Янов настойчиво подменяет жизненную сущность — в ее **конкретном** проявлении — схематической и предвзятой моделью, ничего общего не имеющей с **живой** исторической действительностью. Ибо «подобосущее» не значит «единосущее», и **подобие** не означает **тождественности**, без утверждения которой вся «циклическая концепция» русской истории, назойливо проводимая Александром Яновым, теряет свое двусмысленное значение. Ну, что можно возразить автору, когда он самоуверенно заявляет, что «опричнина была автократической **революцией** и феодальной **реакцией**?.. Перед такой «диалектикой» приходится пасовать, чего, по-видимому, Янов и добивается, «врываясь» в скромные, но светлые и чистые «хоромы» классической русской историографии и превращая дальнейшие «подобия», по способу эстрадного фокусника, в «тождественности», нанизывая их — одно за другим — на магическую палочку «Яновианы»: Петр Великий вводит, мол, полтора века после Грозного, собственную «опричнину» в лице своей **гвардии**... Ленин, якобы, «адаптировавший к условиям XX века — тот же — опричный орден Грозного», передает его в наследство Сталину! И зачарованные «диалектикой» Янова-«историка» читатели, знакомые с историей России только по советским учебникам — или, в лучшем случае, по трудам советских, подкованных «марксизмом-ленинизмом» историографов, — не решаются самостоятельно придти к единственному логически оправданному выводу, что «циклическая концепция» Александра Янова весьма похожа на «голового короля» из известной сказки Андерсена: хотя и не тождественна, но **подобна** ему.

Однако в чем же смысл, в чем подоплека и скрытая цель «Иванианы»? По собственным словам Янова, он без конца наталкивается в **советской** историографии на «одного из самых громоздких китов, на котором держится парадоксальная хаотическая вселенная Иванианы», — на канонизированную в советской историографии категорию «**централизованного** русского государства». По Янову, **централизовал**

страну — «где кнутом, где лаской и компромиссом» — блестящий мастер политической интриги Иван III. А Грозный, по мнению Янова же, сеял **деморализацию, а не централизацию**: «Россия покинула столбовую дорогу европейско-абсолютистской интеграции и свернула на проселок интеграции автократической»... Что и говорить — сказано красочно и образно, но бездоказательно! Тем более, что Янов подводит под эту свою формулу всю историю России — от Ивана Грозного до наших дней. Он утверждает, что основная схема русской политической истории, «**благодаря** культурной революции опричнины» (не знаю только, кого и за что здесь «благодарить!»), «запрограммирована» Грозным на целые столетия, и что ей обеспечено «долгое и устойчивое существование». Но ведь — заметил от себя — «культурная революция» опричнины **подобна** — и даже очень!, — не будучи ей «тождественной», культурной революции Мао Цзе-дуна, а то даже — при некоторых оговорках — и «эс-эсовскому государству» Гитлера. И ко всем трем случаям понятие **тоталитаризма** скорее применимо, чем «опричнина» — хотя бы только по отношению к России...

По мнению Янова, мы приходим тут к прямому вопросу: что же, наконец, такое этот «комплекс Грозного», проходящий якобы через всю русскую историю, начиная с XVI века? Автор утверждает, что это **вера**, «языческая вера в Идола Власти, который все знает, все видит, все ведает, всех любит. Железом и кровью вкоренено было в народное подсознание, что Власть не только всемогуща, но и **всегда права** в этом жестоком своем всемогуществе... Языческая эта вера существовала и до Грозного, ...но только он сделал ее **доминирующей** в народном сознании»... (К—Х, 294).

Здесь Янов — вольно или невольно — обнаруживает себя как **диалектик марксистской выучки**. Об основном — не языческом, а христианском (пусть даже и искаженном, быть может) — представлении (в народном сознании) о царе, как **помазаннике Божьем**, как и о богоданности всякой даже и языческой, но не богоборческой по существу и не «сатанинской» власти — он при искусственном построении своей «Иванианы» («Яновианы») даже и не думает: для него «подобосущность» есть уже «единосущность», подобие — тождественность.

Из краткой биографии Александра Янова мы узнаем, что он, в сущности, **не историк** по образованию, а журналист, философ и литератор. И становится понятным, что, когда ему не хватает **научных** исторических доводов и доказательств, он заменяет их приемами **литератора**, и притом

несомненно талантливого. Но судите сами. Янов пишет:

«Вы спрашиваете сегодняшнего опричника, почему надо насилловать вашу мысль и увечить вашу жизнь. Ему приказано. Приказано свыше. Приказано четьреста лет назад. И он еще досознательно, инстинктивно, рефлекторно верит в моральную правоту этого приказа. Ибо нравственная правота всегда — заранее, до суда и следствия, — на Ее стороне. И не жалким 'людишкам', не холопам ее и приказным оспаривать эту божественную правоту. Нет перед ней ничего святого; ни семьи, ни мысли, ни жизни, ни слез»... (К—Х, 295).

Все это верно сказано (правда, в последней фразе при перечислении всего **святого** забыт Господь Бог). Кроме слов «приказано четьреста лет назад!» Да, основоположником «опричнины» был Иван Грозный. Но **отождествлять** с ней ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ, а Грозного — со Сталиным, подводя все под надуманный искусственный «Комплекс Грозного/Иваниану» — по меньшей мере **не «исторично»**. Александр Янов, по его словам, ничего не утверждает (но так ли это?): он лишь хочет, чтобы «отечественный интеллект» непредвзято «оборотился к собственной своей биографии», чтобы он «проанализировал, что именно случилось с Россией после Грозного, после Петра, после **Николая, после Сталина**». (К—Х, 306). В другом месте автор говорит даже об «**обоих Николаях**!» (подчеркнуто везде мной — А. М.).

И этот свой совет «отечественному интеллекту» автор связывает со своим основным чаянием: «Может быть, оказалось бы тогда, что так же, как имеет начало Русская Автократия, имеет его и русская **Оппозиция** (с большой буквы!)? И в том коренится она времени, в том кратком, но все-таки вековом промежутке между двумя татарщинами, чужой и отечественной, который называю я Абсолютистским столетием России? Столетием, когда не знала она ни крепостничества материального, ни крепостничества духовного, когда была европейским, абсолютистским государством, была экономически сильна, идейно богата и морально здорова, когда 'втекали' в нее лучшие люди из сопредельных стран и в ней искали себе отечества!» (К—Х, 306—307).

Размеры моей статьи не позволяют мне остановиться на исторической — мягко выражаясь — неточности **поэтических** видений Александра Янова. Да и дело не в них. Дело в установке автора к России, ее истории и ее духовной культуре. В свое время великий русский писатель, А. С. Пушкин, принимал историю своей страны и народа

(Окончание на 22-й стр.)

В. СИДОРОВ

Советские легенды

Обычно люди неохотно вспоминают страсти прошлого, касающегося событий, повлекших за собой утрату веры в человека. Обман, надувательство, мистификации всегда оставляют чувство горечи в потерпевшем, безразлично, являлась ли жертва отдельной личностью или общественной организацией. Реакция неизменна — жертва лжи и обмана отмахивается от неприятных воспоминаний и старается поменьше думать о надувательстве и, к сожалению, также и о тех путях, которыми оно было достигнуто.

Возможно, этим объясняется нежелание нашего поколения вдуматься в советские приемы по отношению к Западу, построенные на провокации и мистификации. Между тем известно, что советская власть, с того момента, как она приступила к борьбе против своих врагов, постоянно применяла метод, называемый ныне дезинформацией. Этот метод состоит главным образом в том, чтобы путем распространения ложных сведений влиять на общественное мнение эмиграции и Запада вообще и вводить его в заблуждение. На основе ложных информации общественность приходит к неправильным выводам относительно Советского Союза и его политики, что ведет к ошибочным реакциям и к поступкам, полезным не свободному миру, а коммунизму. Иначе говоря, дезинформация направлена на то, чтобы путем ложных сведений, которых жертва не имеет возможности проверить, толкнуть ее на действия в том направлении, которое желательно дезинформатору.

На дезинформации построены провокационные операции крупного масштаба, вроде знаменитого Треста. Как это ни грустно, но многие жертвы этих грандиозных надувательств не желают вдуматься в способы, которыми советскому правительству удавалось данные операции организовывать. Напрасно отдельные эмигранты напомина-

ют своим соотечественникам об этих чудовищных случаях обмана. Напрасно советские издательства выпускают целые книги, в которых с бахвальством и восторгом описывают провокационные операции, направленные на обман Запада, и, в частности, на обман эмиграции.¹⁾ Ни Запад, ни эмигранты не делают необходимых выводов. Несмотря на обилие материала, не было произведено серьезного расследования дела Треста, на котором в течение многих лет пытаются сосредоточить внимание эмиграции историки, как С. П. Мельгунов, С. Л. Войцеховский и Ричард Врага.

За годы борьбы коммунистов против эмиграции и Запада можно насчитать великое множество провокаций, подобных Тресту.

С начала 20-х годов внимание было сосредоточено на антикоммунистических кругах за пределами Советской России. Рецепт, по которому коммунисты строили легенды, редко менялся: на базе действительно существующего, но бездеятельного антикоммунизма известной группы населения воздвигалась организация, которой руководило ГПУ, т. е. служба безопасности, независимо от ее названия, и в которой главную роль играли советские агенты. Искренние члены организации оставались пешками, которые уничтожались, когда их роль была сыграна, и очередная организация распускалась.

Описывая двадцатые годы в своих воспоминаниях, Н. Виноградов указывал, что у ГПУ обычно все сводилось к образованию так называемых «трестов». Большевицкие агенты говорили, что в России имеется противобольшевицкая организация, и что ради пользы дела необходимо поддержать ее стойким элементом из эмиграции. Мотивировалось это по-разному.

Только за годы деятельности генерала Кутепова можно было насчитать очень много трестов. Были «национальный», «большой», «немецких колонистов», «приисковый», «комсомольский», «учительский», «лесной», «рабочий», «рыбной», «военный» и т. д. (Генерал Кутепов, Сборник статей, Париж, 1934, стр. 333).

Одна из самых крупных и сложных легенд была создана в 20-х годах против Бориса Савинкова. Она включала два проекта, и была известна в ГПУ под названием «Синдикат». Первая ступень кончилась полным поражением Савинковской

НЕ «ИВАНИАНА», А «ЯНОВИАНА»

(Окончание с 21-й стр.)

«такой, как нам ее Бог послал». Янов же стремится переписать русскую историю на свой (или чужой?) лад, подстричь ее под «европейскую» (в его понимании) гребенку. Вот и получается из придуманной им «Иванианы» грубо подкрашенная и подрумяненная... «Яновиана».

¹⁾ См., например, Лев Никулин, «Мертвая зыбь». Прим. ред.

организации в Советском Союзе и сотнями расстрелов. Вторая часть проекта, тоже построенная на обмане и дезинформации, привела Савинкова к переходу советской границы. К нему приезжал в Париж некто Мухин, в действительности чекист А. П. Федоров, как представитель якобы существовавшей контрреволюционной организации интеллигенции либеральных демократов, который убедил Савинкова в активности этой группы и заманил его в СССР.²⁾ Как и следовало ожидать, никакой группы либеральных демократов в действительности не существовало.

С момента перехода границы Савинковым достоверной информации о его судьбе не существует. Переход ознаменовался кампанией лжи, оркестрованной ГПУ. Документы сыпались как из рога изобилия. Тут была расписка Савинкова, напечатанная в «Известиях», его фотография на будто бы состоявшемся суде, его письма друзьям, попадавшие чудом из Лубянки за границу, статьи и рассказы за его подписью, некоторые даже написанные от руки и напечатанные как факсимиле в советской прессе. Все эти документы, предложенные в 70-х годах на рассмотрение экспертам по почерку и проверенные современными методами исследования, оказались подложными. В двадцатых годах главным доказательством их достоверности, по-видимому, служило то, что они были написаны пером «рондо» Савинкова, и эмиграция, принимая все исходящее из Советского Союза за чистую монету, слепо поверила в измену Савинкова, а позже в самоубийство этого несчастного человека.

Вдаваться в подробности дела Треста не стоит — о нем уже написано много; назовем, например, исключительно интересный труд С. Л. Войцеховского. Трест был построен по шаблону, на фоне движения монархистов. Из Москвы за границу приезжали лица, некоторые из которых были известны эмиграции еще в дореволюционные времена. Эти лица, как выяснилось позже, работали в ГПУ, хотя и выражали антисоветские взгляды и монархические убеждения. Они рассказывали небылицы о монархическом движении, будто бы существовавшем в России, и о моральном подъеме среди населения. Они утверждали, что члены их организации находятся даже среди служащих советских органов безопасности — что, в сущности, было правдой, так как руководили Трестом видные сотрудники ГПУ. Устраивались даже поездки эмигрантов в СССР для встреч с монархистами, которые в действительности

были агентами ГПУ (особенно интересна в этом отношении поездка В. Шульгина, который, вернувшись в Париж, написал книгу «Три столицы», — шедевр дезинформации).³⁾ Проверить их рассказы за границей было невозможно. Один советский агент подтверждал фальшивые сведения другого, что косвенно подтверждали и официальные источники, печатая сообщения о расширении монархического движения.

Еще не оправившаяся от разгрома Треста в 1927 г. эмиграция была подвергнута новой атаке со стороны внутренней Русской Национальной Организации. Направлена эта организация была против военных кругов и эмигрантского центра. Снова приезжали представители из Москвы (напр. Александр Николаевич Попов, известный под кличкой «Кузьмы»). Приблизительно к тому же периоду относится и появление за границей левого движения под названием «Третьей эмиграции». Эта дезинформационная операция возникла на базе явления, сильно смутившего советские власти и представившего серьезную опасность для коммунизма.

Примерно к концу двадцатых годов многие советские чиновники, работавшие в советских учреждениях за границей, стали покидать свои посты, разочаровавшись в советской власти. Они порывали с режимом, и, хорошо информированные о методах ГПУ, скрывались, чтобы избежать насильственного увоза в СССР, уезжая куда-нибудь подальше и всячески стараясь не вызывать к себе интереса общества. И вот тут-то и появилась другая группа подобных невозвращенцев. Эти лица, которые причисляли себя к так называемой третьей эмиграции, создавали шумно рекламируемые организации, и выступали на бесчисленных собраниях. Впоследствии выяснилось, что большинство этих лиц находилось на службе ГПУ. Лидером их стал некто Григорий Беседовский, крупный советский дипломат, который сенсационно бежал из советского посольства в Париже, перелез через два забора и в разодранной одежде явился во французскую полицию. Трудно было придумать более заметный разрыв с советской властью. Беседовский сразу обратил на себя всеобщее внимание. Выручив жену и сына и получив все свои пожитки из посольства, он основал журнал невозвращенцев под названием «Борьба» и выпустил книгу «На путях к термидору». Она была принята в 30-х годах, как ценный труд о Советском Союзе и советской дипломатии.

Если прочесть ее внимательно в наше время, становится ясно, что ее истинное

²⁾ Об этом говорится в изданной в 1968 г. в Советском Союзе книге В. Адорацкого «Возмездие». Прим. ред.

³⁾ См. «Новое о Тресте», «Новый журнал», кн. 125. Прим. ред.

назначение было дезинформировать общественное мнение. Но роль Беседовского этим не ограничивалась. Уже в послевоенные годы его имя прогремело в Западной Европе как автора многочисленных апокрифов, цель которых заключалась в том, чтобы ввести Запад в заблуждение относительно СССР и его представителей. Среди этих книг был вымышленный дневник Максима Литвинова, бывшего советского комиссара по иностранным делам, записки выдуманного племянника Сталина Буду Сванидзе и т. п.

В краткой статье невозможно перечислить все легенды и случаи дезинформации и провокации, созданные советским правительством с целью проникновения в искренне антикоммунистические круги и мистификации их. Некоторые легенды, вроде Братства Русской Правды, в котором советский агент Кольберг руководил посылкой молодых патриотов в Советский Союз, где их тотчас же расстреливали, заслуживают не только отдельной статьи, но и целой книги. Но даже поверхностное изучение этих провокаций показывает, что у них есть много общего, как в структуре, так и в методах.

Как уже сказано выше, типичной чертой всех подобных операций является невозможность проверки сведений, получаемых от ее участников. Якушев из Треста рассказывал эмигрантам о своем тюремном заключении. Ему приходилось верить на слово. Его рассказ могла подтвердить только советская служба безопасности, или кто-нибудь, кто с ним сидел. Так и случилось: подтвердил другой бывший заключенный. Но впоследствии оказалось, что и этот последний был на службе у ГПУ.

То же наблюдается и в деле Савинкова. Все, что мы знаем о его судьбе после перехода советской границы, шло прямо или косвенно из советских источников. Это даже заметила в дневнике тех лет П. Е. Мельгунова, жена историка. На суде и в тюрьме Савинкова или человека, игравшего его роль, показывали специально приглашенным иностранным журналистам, но ни один из них знаком с Савинковым не был и вряд ли мог бы отличить его от хорошо загримированного актера.

Вспоминается, между прочим, рассказ одного из этих журналистов, Вальтера Дюранти, о другом случае. Ему было сообщено, что Лев Троцкий уезжает из Москвы. Дюранти поспешил на указанный вокзал. Действительно, он видел, как Троцкий знакомой журналистам походкой направился к вагону, как за ним последовала группа друзей, и поезд двинулся в путь. Описав все виденное, Дюранти послал корреспонденцию об отъезде Троцкого в свою газету

в Нью-Йорк. Только позже он узнал, что перед ним была разыграна комедия, что в вагон проследовал актер, загримированный под Троцкого, и что в действительности Троцкий покинул Москву иным путем.

Главная цель всех этих легенд — отвлечь Запад и эмиграцию от борьбы против коммунизма. Это достигается двумя способами: попыткой убедить слушателей, что коммунизм кончен, правящий слой одряхлел, перемены к лучшему неизбежны, или наоборот, что советская власть настолько сильна, что бороться против нее нельзя, и Запад, безвольный, слабый Запад, погиб. Каждый из этих способов приводит к апатии и нежеланию бороться против коммунизма. Под диктовку ГПУ еще в 1926 г. Шульгин писал о воскрешении русской жизни и о том, что в СССР победила Белая Мысль, и коммунизм должен уйти, так как коммунисты потеряли дух и веру («Три Столицы»). А его товарищ по Тресту Опперпут, приблизительно в то же самое время, твердил о всемогуществе советской службы безопасности, которая проникла всюду и всех и вся держит в руках. Зачем бороться против коммунизма, если он вот-вот рухнет? — рассуждал читатель «Трех столиц». Как можно бороться против всемогущей силы, которую нельзя разбить? — думала жертва дезинформации Опперпута.

Все легенды, даже как будто связанные между собой, строго разграничивают свое поле действия. Легенда, направленная против группы консерваторов, всецело посвящена этому течению. Агенты, работающие в этом направлении, выражают мнения, созвучные консерватизму, и выдают себя, главным образом, тем, что в отличие от консерваторов, противятся попыткам или планам сбросить коммунистическую власть силой. Агенты, нацелившиеся на демократию, поют в тон демократам, на левых — левым, агенты, направленные против украинцев, изображают ярых украинцев, и т. п. И все твердят, что коммунизм исчезнет самотеклом, и перемены приведут его к развалу, или же убеждают Запад и эмиграцию, что все потеряно, и что ни эмиграция, ни Запад не способны на борьбу.

Некоторые линии, проводившиеся легендами ранних лет, подверглись изменениям. В двадцатых годах, когда антисоветские настроения были очень сильны, агенты скромно намекали, что не вся советская система плоха, есть в ней и некоторые хорошие черты. Постепенно пропаганда советской системы усиливалась. Все зло в коммунизме, уверяли агенты, а советская система совсем неплоха. Такие теории породили, между прочим, тезис младоросов «Советы и Царь». Начиная с «третьей эми-

грации»⁴) и ее журнала «Борьба» линия стала меняться. Советские дезинформаторы теперь подсказывали своим жертвам, что и в коммунизме тоже есть положительные черты. В последующих стадиях коммунизм, как таковой, уже стал приемлем.

После второй мировой войны под влиянием дезинформации появились теории о существовании коммунизма различного типа, от национального до — в наши дни — коммунизма с человеческим лицом. Запад, не вдаваясь в изучение доктрины коммунизма, радостно ухватился за эти идеи. Виной всех преступлений советского режима стали отдельные лица — Сталин, Берия, которые, как начала подчеркивать советская дезинформация, не были в сущности настоящими коммунистами, и извращали коммунизм, как это будто бы также делают современные «бюрократы».⁵) И снова эмиграция и Запад пошли навстречу провокации, не задумываясь ни минуты над основным принципом коммунизма — учении о солидарности и пролетарском интернационализме, которому все коммунисты, как бы их ни называла советская дезинформация, верны по сей день.⁶) Редко кому приходит в голову вопрос, каким чудом верный последователь Ленина и его бесчеловечной жестокости может вдруг оказаться правителем с человеческим лицом.

Помимо чисто дезинформационной ро-

⁴) Имеется в виду уже упомянутая в этой статье «третья эмиграция», а не новоприбывшие нашего времени. Прим. ред.

⁵) В наше время зверства коммунизма начали сваливать на русскую историю (Плющ, Янов и др.). Прим. ред.

⁶) И в наши дни все еврокоммунисты подчеркивают свою верность этим принципам. Прим. ред.

ли, советские легенды выполняют ряд других задач. Втершись в доверие антикоммунистических кругов, представители легенд играют серьезную разведческую роль. Всецело доверяя членам Треста, эмигрантские организации поручали им передачу секретных документов и делились с ними сокровенными планами. Считая представителя легенды «Синдикат» верным антикоммунистом, организация Савинкова передала ему секретные адреса своих контактов в Советском Союзе, что повело к гибели сотен людей. То, что на Западе было недоступно советскому представителю, охотно рассказывалось представителю оппозиционного движения, прибывшему из Советского Союза. Перед ним раскрывались не только двери эмиграции, но он имел иногда также доступ к официальным правительственным кругам стран, которые он посещал.

Советские легенды, провокации и дезинформация часто бросают свет на те стороны советской внешней политики, которые мало известны на Западе. Ученые и экперты большей частью недооценивают их значение. Но помимо раскрытия некоторых страниц истории, изучение легенд, их структуры и приемов важно еще тем, что оно может помочь разобраться в современном положении. Изучение прошлого помогает определить, где начинается и где кончается дезинформация в обильном материале, публикуемом западной прессой о коммунизме. Оно может помочь выяснить, существуют ли легенды в наше время и в нашем окружении. И даже, в некоторых случаях, оно может помочь выявить рупор, сознательно или бессознательно передающий дезинформацию, служащую на пользу Советскому Союзу.

С. Л. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

О статье И. А. Мацкевича

В марте с. г. «Голос Зарубежья» (№ 4) перепечатал из «Нового Журнала» (№ 125, декабрь 1976 г.) статью известного польского писателя И. А. Мацкевича, озаглавленную «Дело не в средствах, а в принципе». Та же статья была опубликована журналом «Часовой» (№ 602, ноябрь—декабрь 1976 г.). Таким образом многие читатели русской зарубежной печати могли узнать мнение выдающегося, непримиримого польского противника коммунизма, утверждающего, что «свергнуть коммунистический строй в любой стране мира возможно лишь путем насилия». Недавно — скажем от себя — это было подтверждено в Чили устранением

правительства коммунистического попутчика Альенде и заменой его правительством антикоммунистическим. Только применение силы помешало коммунистам захватить власть в Аргентине, Уругвае и, в начале шестидесятых годов, в Бразилии. В каждом случае оно было благом для этих государств, не допустившим экономической и социальной катастрофы, не говоря уж о коммунистическом терроре и — как его последствии — порабощении населения, искоренении его веры и национальных традиций. Убеждать в этом большинство русских эмигрантов не приходится, несмотря на убаюкивание некоторых новейших «дис-

сидентов», отрицающих не только возможность, но и необходимость активной борьбы с коммунизмом во всех его проявлениях.

Мнение И. А. Мацкевича — как я уже написал — нам известно. В большинстве случаев мы, однако, не знаем, как отнеслась к нему польская эмигрантская печать. Именно это я хочу рассказать читателям «Голоса Зарубежья».

*

13 февраля с. г. редакция лондонского польского еженедельника «Вядомосци» сообщила, что она получила из разных стран письма своих подписчиков, недовольных тем, что в нем перестали появляться статьи И. А. Мацкевича. Выразив свое сожаление об этом, редакция прибавила, что она неоднократно обращалась к писателю с просьбой о возобновлении сотрудничества, но не смогла принять поставленного им условия — неограниченной свободы слова.

«Юзеф Мацкевич — написала редакция — достаточно опытный публицист, чтобы знать, что абсолютная свобода печатного слова не существует. В некоторых случаях границу, которую писатель и редакция не имеют права нарушить, устанавливает национальный инстинкт, часто не считающийся с практичностью. Другие руководствуются более практическими соображениями: интересами и безопасностью родины, заботой о людях, уважением чужого достоинства и убеждений. Война — холодная или горячая — требует особенной осторожности.

«Юзеф Мацкевич, — написала редакция, — осуждает легальную оппозицию на родине, так как полагает, что каждый открытый протест, обращенный к коммунистической власти, равносильен ее формальному признанию. Поддержка, оказываемая эмигрантами тем, кто на родине протестует и борется легально, становится, по его мнению, полным переходом от «борьбы за свободу» к «лояльной оппозиции» и «наибольшей, с 1945 года, капитуляцией эмиграции». Мацкевич не желает «исправления» коммунистической системы, он хочет ее «свержения».

Ознакомив затем читателей с выдержками из статьи И. А. Мацкевича в «Часовом», редакция «Вядомосцей» прибавила: «Можно сказать, что, по мнению Мацкевича, русские в принципе хороши, а единственным врагом нужно считать коммунистов».

В заключении той же статьи редакция лондонского еженедельника написала: «Не веришь глазам при чтении призыва Мацкевича к применению «силы». Неужели автор этих слов никогда не слышал о Чехословакии? О Венгрии? О советских войсках в

Польше и вокруг ее границ? Юзеф Мацкевич имеет право высказывать свои взгляды и — как видим — может их выражать на страницах прессы, которая, в данном случае, предоставляет ему полную «свободу слова», но «Вядомосци» не могут и не будут, даже с риском лишиться талантливого автора и нескольких подписчиков, призывать польские «живые торпеды» и польских «камиказе» к «борьбе силой». Они не будут осуждать тех, кто, доступными им средствами, на собственный риск, за нас и за себя стремятся достигнуть независимости страны от России».

*

И. А. Мацкевич ответил статьей, которую «Вядомосци» напечатали 13 марта. Он упрекнул редакцию в искажении смысла того, что содержала его статья в «Часовом». В частности, он назвал «кривым зеркалом» приписанное ему мнение, что русские, при любых обстоятельствах, хороши.

«Нет — написал Мацкевич — сказать этого нельзя. Деление народов на «достойные» и «подлые» равносильно инфантилизму... Я знаю, что нет народов «злых» и «добрых» и быть их не может. Это противоречит точному знанию биологических наук. Добрыми и злыми могут быть только отдельные люди, идеологи, обычаи, государственный строй и т. д., ни в коем случае, целые народы. Я это утверждаю с тех пор, как пишу...

Говоря, что нельзя обвинять в коммунизме «других», я имел в виду всех, то есть не только поляков, обвиняющих русских, но и русских, которые часто в «своем» большевизме обвиняют евреев, латышей и других, порой и поляков... Ради освежения нашей памяти, позволю себе заметить: создателем наиболее кровавой чрезвычайки был поляк, Феликс Дзержинский; первым возглавителем ГПУ был поляк Менжинский; фактическим создателем наиболее известной провокации КРО ГПУ на Западе, прославившейся в двадцатых годах под названием «Трест», был поляк Виктор Стецкевич... Коммунизм в Югославии или Албании, хоть и «не русский», ничем не лучше. То же можно сказать о Вьетнаме, о Кубе, о Пекине; везде он не лучше, а иногда хуже. Мне не кажется, что в России теперь больше коммунистов по убеждению и собственному решению, чем например, во Франции. Думаю, что их там меньше. Коммунизм в том виде, в каком мы его знаем — своего рода психическая зараза, в одинаковой степени угрожающая всем народам и расам».

Упомянув затем заключительную часть статьи «Вядомосцей», в которой редакция

написала, что не будет призывать к «борьбе силой» и не будет осуждать тех, кто в Польше пытается восстановить ее независимость без применения силы, И. А. Мацкевич добавил: «Читаю эту фразу с некоторым удивлением, так как именно в том моем выступлении, о котором идет речь, я отчетливо оговорился, что оно — не какой-либо мой «призыв», но всего лишь теоретическое «обсуждение» того, до чего мир дойдет, если все его народы признают своим принципом провозглашаемый Солженицыным, Сахаровым и заливающей Запад волной «диссидентов» призыв ни в коем случае не противопоставлять «силу» коммунистическому строю. Раз этот принцип обязывает русских, поляков, чехов, украинцев, венгров и т. д., то почему он не должен обязывать завтра итальянцев, послезавтра французов, испанцев и т. д.? Страны азиатские, арабские, негритянские и т. д.? Мы ведь не расисты и признаем за другими народами те же права, что и за собой, и, следовательно и логично, право на неприменение «силы» и «отказ от кровопролития» в борьбе за освобождение от коммунизма...

Продолжая развивать свои мысли, прихожу к — признаюсь — щекотливому вопросу: что должны или обязаны делать страны, в которых уже установлен коммунистический строй? По рецепту Солженицына, Сахарова и экспортируемых Москвой «диссидентов»: «жить не по лжи»; добиваться революции, но только духовной; требовать, в коммунистических рамках, конституционных прав человека и возрождаться морально. Из этого следует, например, что Италия, где бургомистром Вечного города свободным голосованием избран коммунист, и которая завтра может быть полностью захвачена коммунистами, только теперь — после 2.700 существования, после наследия Петра, после эпохи Возрождения и т. д. — начнет искать путь к действительному моральному возрождению? Да, на основании упомянутого принципа именно так, как написал Сахаров в книге «Моя страна и мир»: «Все мы должны вооружиться терпением, научиться снисходительности, но нельзя требовать от людей новых жертв». А Солженицын, после всего того, что он уже напророчествовал, в последней части «Архипелага» призывает к отказу от борьбы «ни ножом, ни мечом, ни ружьем». Правильно, раз можно «бороться» успешно «Письмами к вождям» или коллективными прошениями, обращенными, в каждом отдельном случае, к «своей» коллективной власти... Так, после 60-летнего распространения коммунизма на половину земного шара, люди только теперь изобрели этот простой способ.

В своих рассуждениях я считаю с наличием других недовольных, которые всю вину возлагают на «Запад», обвиняя его в том, что он не хочет бороться с коммунизмом и проливать свою кровь в то время, как мы, народы Восточной Европы, клянемся со своей стороны Богу и людям, что никогда ее проливать не будем! Пусть ее, значит, проливают американцы и другие обитатели Запада...

Правда, мы сами, порабощенные коммунизмом народы, не располагаем в настоящее время средствами вооруженной борьбы, но ссылаясь на слова одного русского писателя, соглашаюсь с ним, что не «средства», а идеи влияют на перемены в истории человечества, а идеи затем сами «обрастают», как бы автоматически, «средствами». Поэтому установление принципа, согласно которому ни один народ, подпавший под власть коммунизма, не смеет бороться с ним силой, кажется мне самой опасной, наихудшей идеей, когда-либо пропагандируемой с 1918 года. Принцип этот полностью соответствует интересам коммунистического блока, а если он будет признан всеми, то станет небывалой победой международного коммунизма в его не только сегодняшних, но и будущих захватах во всем мире.

Таков, в самом сокращенном изложении, был смысл моих рассуждений, опубликованных русской эмигрантской печатью. Со страниц «Вядомосцей» узнаю, что это — призыв к «живым торпедам» и к «камиказе». Итак, в «борьбе за независимость от русских» мы дошли до того, что лишены права даже теоретически касаться этой темы, если ее обсуждение не совпадает полностью с кем-то установленной единственной альтернативой этой «борьбы», а именно с подачей прошений коммунистическим властям и с организацией «оппозиции», подчеркивающей свою лояльность, а не отрицание «собственного» коммунистического строя.

В дальнейшем И. А. Мацкевич обращает внимание на то, что происходит теперь по «диссидентской линии» в коммунистической Польше, и пишет:

„Как раз читаю в европейской прессе следующее одобрение позиции, на которой стоят новоявленные «польские диссиденты»:

«Они выпустили несколько сообщений. Ни в одном из них нет ни слова, направленного против существующего коммунистического строя... Это не политическая организация, а группа помощи и содействия терпящим несправедливость соотечественникам, равно как и терпящим несправедливость людям на всем свете. На Западе она была живо поддержана европейски-

ми коммунистическими партиями...»

Подобные выражения доляльности по отношению к «своему коммунизму» (не свергать насильем), провозглашают уже давно русские, чешские и другие «диссиденты»; коммунист-«диссидент» Бирман, высланный из ГДР; товарищи из Венгрии, Югославии и т. д.

Справедливейший в истинном значении девиз — «права человека», — также как и справедливейший девиз — «мир», — манипулируются теперь для сплочения общего фронта «диссидентов» и западных коммунистических партий. Этот фронт служит одновременно и для искоренения (путем замены) всякого антикоммунизма как излишней теперь формы устаревших целей. Цель отнюдь не: вытеснить «Россию» из западной Европы, в чем хотя бы убедить при случае некоторых антирусских националистов. Истинная цель: введение в Европу «еврокоммунизма», т. е. коммунизма с «человеческим лицом», который должен будет нас осчастливить (уважая, конечно, «права человека», которые «в России» не уважаются!).

Изобретателем «разных путей к социализму» был Ленин. Еще до революции, в 1916 году, в разговоре с Розой Люксембург и Пятаковым, он высказал эти знаменитые мысли, критикуя вместе с тем и «однообразную серость» тех, которые хотели бы превратить коммунизм в шаблон одного образца. А выступая в Москве 19 марта 1919 года, выразил похвалу лидеру польских

коммунистов Юлиану Мархлевскому следующими словами:

«Когда я одному из польских коммунистов сказал: „Вы сделаете это иначе“, то он ответил мне: „Нет, мы сделаем то же самое, что и вы, только сделаем это лучше, чем вы!“...»

Ленин был в восхищении от этого ответа. «Гениальный» Ленин был также первым, который предсказал, что некоммунистический мир собственными руками надеет себе петлю на шею. Теперь иногда кажется, что Брежнев, может быть, еще «гениальнее» в тактике, с которой он разыгрывает заветы Ленина. Сдерживая у себя дома несвоевременные порывы «дубчеков» всех мастей, он экспортирует их в еще свободный мир, который принимает исправителей коммунизма с трогательным восторгом».

В заключение своей статьи И. А. Мацкевич заметил, что: «можно полемизировать с чьей-либо наивностью, но лишь в определенных границах», а «полемика с безграничной наивностью гораздо труднее и становится почти невозможной, когда наивность подпадает под гипноз общепринятого догмата».

Эти слова польского писателя могут повторить те немногие русские противники коммунизма, которые безуспешно пытаются рассеять аналогичный гипноз, охвативший подавляющее большинство русских эмигрантов.

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВСКИЙ

О „русском империализме“

Будем откровенны: нам, изгоям российским, давно навязли в зубах избитые утверждения о пресловутом «русском империализме», который теперь якобы особенно угрожает мирному существованию и свободе других народов земного шара. Конечно, но *существу* подобные заявления иноземных политиков, государственных деятелей и публицистов задевают нас мало. Слишком уж очевидны искажения исторической правды, извращения политической действительности, клевета сепаратистов-шовинистов, подхватываемые мировой печатью.

Не было бы поэтому ничего удивительного, если бы мы лишь пожимали плечами на такие благоглупости, как утверждения о «покорении» пресловутым русским империализмом — Украины или Грузии, или об «отторжении» Россией Бессарабии от *Румынии*, ни в 1812 г., ни потом до 1878 г.

включительно, *еще не существовавшей*. Но уже совсем неприлично было бы с нашей стороны напоминать, например, о сравнительно недавнем факте «присоединения» Новороссии к Румынии во второй мировой войне и о переименовании Одессы в — «Антонеску»...

Не может быть никакого сомнения в том, что историческая правда в свое время восторжествует; что российская нация, свободная от коммунистического гнета, и великая русская культура, освобожденная от пут марксистско-коммунистического «мировоззрения», скажут, наконец, свое слово, и к этому слову вынуждены будут прислушаться и нынешние «клеветники России».

Жизнь показала, однако, что даже рядовой обыватель нашего Зарубежья интуитивно сознает невозможность отмахнуться от шумихи, искусственно поднимаемой

вокруг «русского империализма». Ибо подмена борьбы с мировым коммунизмом борьбой против России таит в себе страшную опасность морального поражения свободного мира. Атомные и водородные бомбы, ракеты и испепеляющий все «огонь с неба» не решают торжества нравственной правды и правоты, — не говоря уже о том, что такого рода «катастрофа уничтожения» может стать, выражаясь языком современности, глобальной. Мы чувствуем и сознаем, что важно нечто иное: освободительная борьба человечности (а человек — это образ и подобие Божии!) и свободы против кабалы и бесчеловечности не смеет превратиться в вооруженное столкновение между какими бы то ни было «империализмами». Но в чем же тогда смысл упорной подмены реальной опасности и угрозы интернационального коммунизма мнимой угрозой нереального «русского империализма»? Кому и зачем нужна эта лубочная этикетка, которой прикрывают хищный оскал коммунистической тирании, действительно грозящей установить свое кровавое владычество над всем человечеством, над всеми народами и странами нашей планеты?

Ответ напрашивается сам собой: этикетка «русского империализма» нужна — как парадоксально это ни звучит — прежде всего коммунистическому руководству, конкретным целям его политической стратегии и тактики. Она дезориентирует противника, отвлекая его силы от главных фронтов борьбы, на которых безнаказанно оперируют «партизаны» и «пятые колонны» интернационального коммунистического движения. Она лишает свободный мир его самого мощного и верного союзника — России.

Фикция «русского империализма» открывает советской дипломатии и другие возможности: возможности тактического маневрирования и временных «передышек», необходимых коммунизму для перегруппировки и консолидации своих сил. С Россией, ущербленной в своем державном и национальном развитии, мыслимы и «мирное сосуществование», и полюбовные разграничения «сфер влияния», и выгодные хозяйственно-торговые сделки. Что для интернационального коммунизма все это — лишь средства для достижения своей конечной цели — мирового владычества на развалинах «капиталистического» общества, — эту элементарную истину и должна прикрывать этикетка «русского империализма». Фикция «русского империализма» крайне удобна всем великим, средним и малым державам, которые в силу собственных империалистических вождельний в ослаблении и расчленении — а если удастся, и в уничтожении России видят

цель, перед которой борьба с коммунизмом отступает на задний план. В своем ослеплении они не видят — или не хотят видеть, — что этот путь, путь пособничества коммунизму, для них самих чреват опасностью национального самоубийства.

Скрыть это от внимания и сознания свободного мира — очевидная задача коммунистической тактики камуфляжа и инфльтрации. Отказ от борьбы с коммунизмом, как таковым, делает почти невозможным создание единого фронта свободного мира против коммунистической угрозы. Стирается общая цель, способная объединить все свободные народы: противодействие агрессии и экспансии мирового коммунизма. Подмена его призывом к борьбе против «русского империализма» облегчает коммунистической пропаганде и советской дипломатии задачу разъединения свободного мира, позволяет им вбивать один клин за другим между нациями и «империалистами». И стратеги коммунизма не могут пожаловаться на отсутствие союзников и пособников из так званого «антикоммунистического» лагеря, добровольно и рьяно оказывающих им в этом поддержку.

Таковыми прямыми пособниками мирового коммунизма оказываются — особенно в «страшные годы России» — сепаратисты-шовинисты, постепенно превращающиеся в своего рода «профессионалов». Я говорю не о тех, кто являются исполнителями непосредственных велений той или иной державы — не исключая, кстати, и СССР. Но и искренние, пусть даже фанатичные, поборники национальной самобытности и государственной самостоятельности (непреренно — суверенности!) своей народности ослеплены лютой, животной ненавистью к русскому народу и к тем своим единоплеменникам, которые не разделяют их крайних точек зрения. Но для сепаратистов-«профессионалов» борьба с русским империализмом — единственное оправдание собственного бытия и национального фанатизма, заслоняющего у них все остальное. Сочетание болезненного комплекса неполноценности с не менее болезненным ощущением своей значительности лишает таких сепаратистов-шовинистов здорового, органического восприятия настроений и чаяний своего собственного народа или племени. Оно лишает их и вообще живого чувства исторической и политической реальности. Для них фикция лубочной этикетки «русского империализма» совершенно необходима, как предпосылка самоутверждения и самоопределения, — своего рода «символа веры». Истощено крича о «русском империализме», якобы выступающем ныне под маской коммунизма, они планомерно льют воду на мельницу ком-

мунистической диктатуры, ее агрессии и ее экспансии.

Имея в первую очередь дело с отечественными «самостийниками» — преимущественно заграничными, — мы невольно проходим мимо одного любопытного обстоятельства. Из поля нашего внимания ускользает чрезвычайно показательный факт, который сразу же и окончательно выявляет полную несостоятельность болтовни о тождественности мирового коммунизма с русским «империализмом». Хорватские сепаратисты-шовинисты утверждают, что коммунизм — это лишь одна из форм «великосербского империализма». Крайние словацкие националисты говорят о коммунизме, как о форме «великочешского империализма». Из уст литовцев-националистов Виленцины исходит определение коммунизма, как одной из форм «великопольского империализма». А монгольские националисты объявляют коммунизм формой «китайского империализма»... Даже от абхазцев, сторонников независимой Абхазии и отделения ее от Грузии, приходится слышать о коммунизме, как о форме «грузинского империализма», — со ссылкой на такие исторические фигуры, как Джугашвили (Сталин) и Берия. Мировой коммунизм оказывается формой многих, зачастую взаимно друг друга исключаящих «империализмов»! Удобная для политической спекуляции фикция становится логическим абсурдом...

Не правдоподобнее ли противоположная концепция: это политическая стратегия мирового коммунизма использует в своих целях и националистические настроения — как «империалистические», так и, в значительно большей мере — и сепаратистские?

Наклеивание этикетки «русского империализма» на акты коммунистической агрессии и экспансии нужно и еще одной категории пособников коммунизма, — более многоликой и многочисленной, чем обычно принято думать, а именно: тем социалистам и интернационалистам, преимущественно марксистского толка, и тем космополитам-«прогрессистам», для которых провал великого эксперимента в России — прискорбная неудача скверного и неспособного «партийного руководства», но никак не кризис учения и идеи, в основу этого эксперимента положенных. Их главная задача — сохранить чистоту риз социализма и коммунизма, запятнанных в СССР «русским» большевизмом, «предавшим» великое учение Маркса, «искажившим» марксизм.

Во имя спасения международного коммунизма они готовы пожертвовать как «русским большевизмом», наклеив на него ярлык «русского империализма», так и «маоизмом», наклеив на него этикетку «им-

периализма» китайского, — не желая видеть той элементарной реальности, что разрыв между Пекином и Москвой есть прежде всего раскол внутри мирового коммунизма, и что раскол этот можно скорее всего сравнить с разделением единой Христовой Церкви на Западную и Восточную, из которых каждая продолжает считать себя вселенской.

Жертвуя в прошлом Сталиным — но не Лениным!, — а двадцать с лишним лет спустя — Мао Цзе-дуном, эти социалисты-интернационалисты марксистского толка горой стоят за пресловутую «югославскую модель социализма» или за так называемый «еврокоммунизм»; идя на расчленение и даже уничтожение России, они намерены создать на ее обломках ряд национальных «социалистических» государств, зная, что Россия изжила коммунизм и никогда к нему не вернется; панически боясь воскресения Святой Руси и Великой Империи Российской... Нет, только не допустить этого! Новые социалистические государственные образования, преобразив «с позиций подлинного коммунизма» строй и режим, «извращенные» сталинщиной, должны будут — с тех же позиций «подлинного — или истинного — коммунизма», повести наступление не только на «капиталистический порядок», но и на «буржуазную» демократию.

Именно эти интернациональные — и интернационалистические круги предпринимают все, чтобы «перевести на другие рельсы» возможную и, в конце концов, неизбежную борьбу свободного мира с воинствующим коммунизмом, не допустить поднятия хоругви Христа на борьбу с Антихристом. Их прямая и насущная задача — «переключить» ее на борьбу с «русским империализмом». А этим разрушается международный фронт антикоммунистической борьбы. Таков «скверный анекдот» — исторический и политический — нашего безвременья.

Эпоха империализма — правда, не в марксистском ее восприятии и толковании — несомненный исторический факт, оценки которого, под тем или иным углом зрения, могут быть различны, индивидуальны и даже субъективны. Но историческая неправда — выделение «русского империализма» в особенную и особую, свойственную якобы только русскому народу категорию, подлежащую политическому и моральному осуждению всем остальным человечеством. И уже явная и недобросовестная спекуляция врагов России — возлагать на русский народ и «русский империализм» ответственность за коммунистическую агрессию и советский империализм, переносить специфическую черту мирового ком-

мунизма на русский национальный характер. Цели и мотивы этого приема очевидны. Наш долг — эти цели и мотивы разоблачать, упорно и непрестанно.

Есть нечто, граничащее с трагедией, в том факте, что мировое общественное мнение предпочитает не обращать внимания на природу и суть коммунистической государственности, на совершенно новый в истории человечества тип государства. Союз Советских Социалистических Республик (СССР) — это не просто Россия, захваченная большевиками, закабаленная коммунистической диктатурой. Это — совершенно особое государственное образование, потенциально охватывающее все страны земного шара. Советский Союз был и есть «авангард мировой социалистической революции», плацдарм революционных и вооруженных сил «трудящихся» для установления мирового коммунистического владычества. Если из тактических соображений сателлиты СССР стремятся сохранять во вне видимость суверенности и государственной обособленности, то существо дела от этого не меняется. Во главе их всех стоит Коммунистический Интернационал, распущенный только формально, — политическое руководство мирового коммунистического движения, «генеральный штаб» мировой революции. Это — политическая реальность, имеющая очень мало общего с пресловутым «русским империализмом».

Ну, а Китай? — спросите вы: — ну, а вековой спор между Россией и Китаем, между двумя империями, за гегемонию над Восточной Азией, над Евразией, над всем миром? Ответ на этот вопрос сводится к простому констатированию факта, что все соперничество, вся вражда и все распри между СССР и Китайской Народной Республикой сводятся как первично, так и в конечном счете к борьбе между двумя фракциями (или даже партиями!) внутри мирового коммунистического движения, к борьбе за гегемонию над этим движением, за возглавление Коммунисти-

ческого Интернационала. И как бы странно это ни звучало в первый момент, но все сводится к одному, существенному: как советские, так и китайские коммунисты стремятся твердо стоять во главе Всемирного Союза Советских Социалистических Республик. И теоретически вполне возможно, что в один прекрасный для них — и злосчастный для прочего мира — день оба коммунистических руководства — в Пекине и в Москве — полюбовно договорятся друг с другом, или одно из них подчинится, хотя и скрежеща зубами, другому.

Ибо коммунистическая экспансия не знает государственных и этнических границ. Не признает их и Коммунистический Интернационал. Советский империализм случай коммунистической экспансии. Всякое международно-правовое соглашение с любым коммунистическим правительством условно, относительно и по существу иллюзорно.

Свободный мир все еще не хочет осознать, как важнейшую политическую реальность, что мировой коммунизм — не фикция, и не иллюзия, и что он находится в состоянии перманентной войны с остальным — не коммунистическим — миром. Он не знает и не признает никаких «мирных сосуществований» с «капиталистическим» обществом и его «системой». Он поставил себе целью и последовательно проводит полное уничтожение противника. Национальность противника никакой роли при этом не играет.

Если бы Россия не находилась в течение шести десятилетий под игом коммунистической диктатуры, то численность ее населения, в границах 1939 г., превысила бы в наше время 400 миллионов человек, даже учитывая страшные потери во Второй мировой войне. Этот жуткий баланс показывает дефицит народонаселения России примерно в 180 (!) миллионов душ. Из них не менее 115—120 миллионов приходится на долю великорусского племени. Это ли не «торжество русского империализма»?

Из психологии тоталитарного общества

Г-н Белоцерковский обратился ко мне через своего адвоката с требованием, взять обратно некоторые места моей статьи «Народный фронт в эмиграции из СССР» («Голос зарубежья» № 4). Он хотел, чтобы я взяла обратно мое убеждение, что сваливание на Россию и ее историю всех ужасов советского режима фактически обеляет коммунизм. Кроме того, я должна была взять обратно слова о статье из «Зюддейтче Цейтунг» (стр. 22). В случае отказа

сделать это в течение 5-ти дней, г-н Белоцерковский грозил судом.

Теперь пришел иск. Первый пункт там отсутствует. Видимо, г-н Белоцерковский и его адвокат сообразили, что в свободном демократическом государстве никого нельзя привлекать к суду за инакомыслие.

Остается пункт относительно «Зюддейтче Цейтунг». Мы приводим здесь дословную цитату из статьи Елены Сахно «Диссиденты раскальваются» в «Зюддейтче

Цейтунг» от 16/17 января 1977 г.: «Меценаты и друзья новой России на Западе поэтому так же не западные консервативные, а западная „левая“, хотя она, сто́ит подумать хотя бы об еврокоммунистах, должна перескочить через собственную тень, если она хочет энергично поддерживать левых диссидентов».

Эти слова можно понять по-разному. Можно их понять так, что европейская левая, включая и еврокоммунистов, уже оказывает поддержку, в том числе и финансовую, но еще недостаточно энергично. Можно понять и так, что есть лишь надежда на эту поддержку, если еврокоммунистам удастся «перескочить через свою собственную тень». Отметим от себя, что весьма спорно, надо ли еврокоммунистам «перескакивать через свою тень», чтобы оказывать всяческую поддержку левым диссидентам. Мы так же несогласны с Еленой Сахно в том, что она именно левых диссидентов называет «новой Россией». Что ж тут нового?

То, что еврокоммунисты получают деньги из Москвы, это всем известно. Об этом существует обширная литература.

Если же г-н Белоцерковский никогда не рассчитывал и не надеялся на помощь еврокоммунистов и хотел бы оповестить об этом эмигрантскую общественность, то он мог бы обратиться в редакцию журнала «Голос зарубежья» с просьбой опубликовать соответствующее заявление. И редакция бы его опубликовала, т. к. она стремится к наиболее обширной и объективной информации своих читателей. Вообще никто не мешает г-ну Белоцерковскому ясно и однозначно отмежеваться от всякого рода коммунистов, в том числе и еврокоммунистов.

Но, к сожалению, эти люди, видимо, еще живут психологией тоталитарного общества. Им не приходит в голову ни возможность широкой информации, ни возможность свободной полемики. Все, что они знают, — это суд. Несчастливые люди! Но каких демократических альтернатив можно от них ожидать? **В. Пирожкова**

Р. С. Разбор дела должен был состояться 22 июня. Но суду было сообщено по телефону, что адвокат г-на Белоцерковского заболел и притти не может. Разбор дела не состоялся.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Обзор зарубежной печати

В рассказе талантливой Т. Петровской (она, к сожалению, редко выступает как беллетристка) «День, когда не пошли поезда», шедшем с продолжениями в воскресных номерах «Нового русского слова» за март, автор ставит актуальные проблемы, не давая — черезчур объективно — от себя ответа. В семье русских американцев в Нью-Йорке отец беспокоится, чтобы у детей было чувство долга, чести, принципиальности; а мать занята их физическим здоровьем и материальным устройством. Прав, конечно, отец; надо думать сперва о душе, о теле потом; остальное приложится. Там же другой русский американец, умный и симпатичный Иван Петрович, ломает себе голову над задачами государства. Обеспечить гражданам полную свободу? На Западе, конечно, это приводит к тягостной для всех анархии... Поддерживать твердый порядок? Но вот Сталин, Гитлер... Хочется ему сказать: да, необходим крепкий порядок, и притом основанный на моральном законе, каковым и для Запада, и для России может служить лишь учение Христа.

В № 125 «Нового журнала» привлекает внимание подчеркнута автобиографический

рассказ В. Вейдле «4 дня». Герой его, поистине, — мученик идеи; вопрос: достаточно ли важной, чтобы за нее страдать? Встретив в юности совершенно очаровательную девушку, сразу полюбившую его всей душой, понравившуюся его матери, принадлежащую целиком к его кругу, — он отказывается от нее... потому что она любит Алухтина и не в восторге от Иннокентия Анненского! Сравнишь: какие препятствия другие люди преодолевают во имя любви, — социальные, расовые, религиозные, политические различия, — и остаешься в недоумении. Прочие доводы Вейдле дает лишь мимоходом, явно и сам не придавая им значения: он был молод, — так когда и любить, как не смолоду? — еще студент, — так мало ли есть и бывает женатых студентов! Тем более, что и он, и его невеста были средствами вполне обеспечены. Признаться, нам тем труднее войти в ощущение юного подвижника литературы, что Иннокентий Анненский нам и не представляется столь уж большим поэтом. О вкусах, понятно, не спорят!

«Континент» № 11 не содержит в литературной части ничего замечательного к вящему разочарованию читателей. Зато в

публицистическом отделе интересна статья «Болезнь века» С. Рафальского, который — типично для него! — выражает вперемешку верные и неверные мысли. Неубедительно, будто нации отмирают; и непонятно, чем это его радует? В мире идут скорее обратные процессы; а национальная нивелировка сделала бы землю ужасно скучной планетой. С другой стороны, как не солидаризоваться с его трезвой аргументацией против расчленения России, и в частности отделения Украины, каковую он заканчивает следующим параграфом: «Этого одного, казалось бы, достаточно, чтобы одуматься и понять, что не в обострении национализмов и не в распаде советской империи (хотя бы психологическом) с африканизацией всей великой Европейской равнины, — а в совместной борьбе всех людей доброй воли за сознательное, свободное, демократическое сожительство разных наций в Свободном Советском Союзе лежит путь в лучшее будущее всех советских народов (в том числе великорусского и украинского)».

Тут бы мы со всем согласились, кроме — что существенно! — употребления терминов С в о б о д н ы й С о в е т с к и й С о ю з (его бы лучше оставить большевизмским гимнописцам!) и советские народы (сочетание просто бессмысленное). Безусловным образом, слова свободный и советский несомнестимы никак, — пока мы говорим языком здравого смысла и не плуруем.

Открытое письмо В. Буковского директору радиостанции «Свобода» производит впечатление дельной и справедливой критики, на которую ничего нельзя возразить.

Что до интервью А. И. Солженицына испанским журналистам, данного в 1976 г., испытываешь полное сочувствие к писателю, великому талантом и жизненным подвигом, принужденному отвечать на придиричьи, порою и вздорные вопросы! Кидается в глаза резкое расхождение его позиций с позициями «Континента» и, тем более, крайне левых представителей третьей волны: он прямо заявляет, что в Испании (еще до нынешних реформ), на взгляд жителей СССР, — столько свободы, что больше и не надо, и горячо берет под защиту Чили наших дней, освобождающее своих политических заключенных и вызывающее Советский Союз осуществить то же самое. Интервью это курьезно перекликается с промелькнувшим в «Новом русском слове» сообщением, как на вечере Буковского в США публика освистала выступившего там красного чилийца. Спрашиваешь себя, нужны ли нам, антикоммунистам, подобные попутчики слева?

№ 101 «Граней» почти сплошь занят по-

вестью Е. Терновского «Странная история» — жаль! В многоглаголении несть спасения; Терновский и как публицист пишет нестерпимо растянато, — но там это менее страшно. В художественных же жанрах нужно, чтобы «словам было тесно, — мыслям просторно». Перепевание Гоголя и, особенно, Достоевского на мотив о страданиях маленького человека доходит у автора до неприличной подражательности, почти имитации (но эти мастера все то же сказали бы на 2—3 страницах). Отметим, что мы абсолютно одобряем его идеи: возврат к христианству, братская любовь между людьми. Однако невольно приходит на ум циничная французская фраза, что на одних хороших чувствах не делается хорошая литература! К числу наиболее удачных мест в повести относятся картины религиозных преследований в деревне: закрытие церкви, изгнание священника.

Альманах «Аполлон 77» вызвал бурные отклики, иногда восторженные, чаще — неодобрительные. Вот несколько образцов из «Аполлона», и пусть читатель судит сам:

П. Радзневский деловито, но бессвязно рассказывает: «У французов все не людски. Макароны — нечеловеческой длины, например. Вчера пока ел одну макарону (зачеркнуто) из них за другой конец ухватилась комнатная собачка и доела почти до моего носа». Не видали мы что-то таких макарон! Вагрих же Бахганян нам предлагает такую краткую повесть: «Машинистка — стенографистка под стеганым одеялом хранила погон с двумя звездочками, хозяин которого свернул себе шею, свалившись с деревянной лошадки на палочке, а вообще он меня совершенно не интересует, и история эта явно неправдоподобна». Согласны, но для чего же она опубликована?

П. Филонов невнятно шаманит: «Горболоб нажав разлом рож разполин безпар рядом победно силенос» . . . Не более вразумительна и поэзия Я. Сатуновского: «Жлою муня зырит за профос . . .» — Вспоминаются мудрые слова одного армянского поэта, что бесполезно писать на языке, непонятном публике: «Хотя бы и розы падали из уст твоих». Не на много доходчивее, на наш взгляд, и стихи В. Лена:

Дождик — мжичко, дождик мужичек
Сохнет мозг, но пухнет мозжичек.

При чтении у читателя — да! Роальд Манделыштам, тот пишет и ясно . . . но удовольствия мало; например, когда он сравнивает облака . . . с дохлыми кошками!

Среди белых, пятнистых и рыжих
Полусгнивших линиящих шкур
Закатился за дальние крыши
Догорающий вечер — окур.

Л. Аранзон — то ли в стихах, то ли в прозе? — выражается так:

Партига № 6
Партига № 6
Номер шесть

Номершесть номершесть номершесть
Номершесть номершесть
Или вырыть дыру в небе.

Ну, дыры в небе не будет... Вот не дыра ли у автора в голове?

В. Петров заранее с жаром возражает критиком: «Уже слышим негодующие возгласы: Сплошное хулиганство! Сколько

хуев и говна! И это искусство?». — И в самом деле: искусство ли? На одном преизобилии заборных слов далеко ведь не уедешь...

Пожалуй, и довольно.

О рисунках, М. Шемякина и других, толковать не будем; когда не написано: «Се лев, а не собака», — они непонятны; когда написано, — все равно не верится.

Некоторые сотрудники альманаха определенно талантливы — Ю. Мамлеев, С. Стратановский. Не лучше ли бы им выступать в более серьезных изданиях?

А. НЕЛЬСКИЙ

Будущее Франции

(Опыт предсказания)

В результате последних (последних свободных) выборов во Франции к власти пришло социалистическо-коммунистическое правительство, которое осторожно, но настойчиво и решительно начало социализировать жизнь во Франции по образцу социалистических стран восточной Европы.

Будем помнить при этом, что все страны-сателлиты востока Европы — государства не коммунистические, а социалистические, и даже сам Советский Союз есть Союз Советских **Социалистических** Республик. Но во всех этих государствах социализм настоящий, не такой, каким он был у «социал-предателей» в Англии и каким до недавнего времени он был во Франции. Теперь, в блоке социалистов и коммунистов, французский социализм стал настоящим.

Социализация жизни начинает не нравиться значительной части французского населения, и появляется опасность падения социалистическо-коммунистической власти. Начинают даже поговаривать о возможности военного давления в стиле событий 1958 г.

Но социалистическо-коммунистическая власть — не мягкотелая буржуазная власть. Повинуясь своей социалистической совести, она обращается за братской помощью к правительству Советского Союза. Руководствуясь доктриной Брежнева, четко сформулированной во время событий в Чехословакии в 1968 г., Советский Союз требует от братского социалистического правительства Западной Германии беспрепятственного пропуски советских войск на Запад. Согласие дается немедленно, во-первых, потому что правительство Зап. Германии не может его не дать, так как при сопротив-

лении оно будет раздавлено в несколько дней, а во-вторых, потому что социалистическое (хотя и не совсем настоящее) правительство Зап. Германии тоже руководствуется велениями социалистической совести.

Для обеспечения коммуникации советское верховное командование «временно» оставляет часть своих войск на территории Западной Германии, остальную часть вводит во Францию, где советские войска приветствуются представителями братского правительства.

Америкаанские солдаты в Зап. Германии с интересом наблюдают все происходящее из окон своих казарм, откуда им строжайше запрещен выход, «чтобы не создавать ненужных инцидентов». Они очень завидуют женам и детям штатских американцев, которые весело болтают с советскими офицерами и фотографируются с ними, иллюстрируя тем «мирное сосуществование».

И во Франции, и в Германии под правительственным контролем проходят голосования, дающие 99,7% голосов блоку коммунистов с беспартийными, и наступает полное объединение. На юге и востоке Франции, в местах добычи железа, угля и боксита появляются оцепленные семью рядами колючей проволоки лагеря, в которых поселяются заключенные, вскоре достигающие 10% населения Франции.

Здесь с удивлением встречаются и бывшие голлисты, и бывшие социалисты, и жискаровцы. Они работают по 10—12 часов в сутки в шахтах, живут в переполненных бараках, где в свободное время, которого у них очень мало, ведут жаркие споры о том, кто виноват в случившемся, и что было бы, если бы было так, а не эдак. Через

пять лет к заключению приговаривается и господин Миттеран, но он, подражая своему предшественнику по союзу с коммунистами, чешскому лидеру Яну Гарику Масарику, выбросившемуся в окно в марте 1948 г., кончает с собой тем же путем.

На эти прогнозы можно возразить, что народный фронт, блок социалистов с коммунистами уже был у власти во Франции,

и ни к каким трагическим последствиям это не привело. Но тогда не было Брежневской доктрины, не было примеров Венгрии и Чехословакии, тогда Советский Союз не пользовался такой репутацией силы, и между Францией и СССР находилась сильная Германия и не бессильная, не поработанная коммунистами Польша. Теперь все это по-иному.

Свидетельство истории

«Русское Освободительное Движение было раздавлено. Власов и его друзья были казнены, как были казнены Штауфенберг и другие заговорщики 20 июля. Но они отдали свою жизнь за свободу и справедливость, и они могут быть примером для тех, кто ценит свободу и справедливость».

Так заканчивает свою книгу «Против Сталина и Гитлера» один из самых близких друзей Движения, капитан В. К. Штрик-Штрикфельдт.

Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт родился в 1897 году на острове Хельголанд. Молодость провел в Петербурге, где в 1915 году закончил гимназию. В том же году вступил добровольцем в Русскую армию, был произведен в офицеры, воевал до конца войны.

В 1918—20 годах участвовал в освободительной борьбе против большевиков в Прибалтике и под Петербургом. После окончания гражданской войны работал по мандату Международного комитета Красного Креста и Нансеновской службы по оказанию помощи голодающим в России. Затем учился экономике и праву. До 1939 года жил в Риге, в 1941 году в Познани.

В январе 1941 года в его инженерное бюро в Познани явился офицер Генерального штаба. Вызывали в главную квартиру фельдмаршала фон Бока, командовавшего группой армий «Центр».

В совершенстве владеющий русским языком, Штрик-Штрикфельдт стал не только переводчиком, но и советником фельдмаршала, одного из последовательных противников гитлеровской политики в занятых областях России.

Уже в первые месяцы войны фельдмаршал фон Бок, как другие немецкие военачальники, знал, что победа над большевизмом невозможна без союза с русским народом. Об этом говорили и пленные, с которыми Штрик-Штрикфельдт разговаривал. Командир корпуса, разочарованный и оже-

сточенный пережитым в лагерях военнопленных, с негодованием говорил:

— Что вы, слепые, что ли? Так вы и войну проиграете и обречете на страдания многие поколения человечества.

Капитан Штрик-Штрикфельдт сделал все, что мог, отдал все свои силы и способности делу борьбы за изменение гибельной «восточной политики» и Освободительному движению. Сначала на фронте, затем в Берлине, где при его деятельном участии создавался и был создан (в Дабендорфе) пропагандный центр Движения, где Движение организационно оформлялось.

Друг и советник генерала А. А. Власова, он рисует портрет человека, обладавшего теми качествами, которые нужны возглавителю народного движения: прямота, честность, патриотизм, чувство ответственности перед миллионами людей.

«Власовым не руководили ни честолюбие, ни расчет, — пишет Штрик-Штрикфельдт. — Судьба, обстоятельства, его собственный опыт — все это вместе привело к тому, что он действовал именно так. Принимая на себя ответственность, он не был одинок.

С ним рядом были, вместе с ним Движение возглавляли, его трагическую судьбу разделяли генералы Ф. И. Трухин, В. Ф. Мальшкин, Г. Н. Жиленков.

О них, как о людях, как о патриотах России, капитан Штрик-Штрикфельдт говорит с большим теплом. Их, как военачальников и организаторов, высоко ценит. Вместе с тем подчеркивает, что Освободительное движение не было искусственно создано, что возникло оно стихийно. Начавшаяся война была тем толчком, который вызвал, по мнению Штрик-Штрикфельдта, подлинно народную революцию, когда миллионами людей в занятых немцами областях руководило одно стремление: с помощью немцев сбросить большевиков. О том же думали красноармейцы и командиры, переходившие на сторону немцев.

«В бесчисленных случаях, — пишет он, — советские командиры со своими солдатами ставили себя в распоряжение гер-

*) В. Штрик-Штрикфельдт, Против Сталина и Гитлера, «Посев», 1975.

манских частей. В одном случае, помню, артиллерийский офицер перешел к нам со всем личным составом батареи и с четырьмя орудиями. Они хотели сразу же бороться вместе с немцами против Сталина и его «своры палачей».

Чтобы такой вопрос решить, немецкий генерал взял на себя личную ответственность. Под личную ответственность, нарушая директивы гитлеровской ставки, генералы включали добровольцев в свои части, формировали добровольческие батальоны, создавая тем самым резервы для Русской Освободительной Армии.

Но чтобы армию создать, нужно было изменить коренным образом всю «восточную политику».

«Офицеры и солдаты на восточном фронте, — пишет Штрик-Штрикфельдт, — постепенно осознали порочность национал-социалистической политики на русской территории, но большинство немецкого народа поняло это слишком поздно, когда поход на Россию был уже проигран».

Военачальники поняли раньше, но их попытки добиться изменения политики наткнулись на тупое упрямство Гитлера и его окружения.

Как и С. Стеенберг в своей книге «Власов», Штрик-Штрикфельдт свидетельствует, что ряд крупнейших военачальников, в первую очередь фельдмаршал фон Браунхич и фельдмаршал фон Бок, смещенные со своих постов Гитлером, категорически настаивали на изменении «восточной политики».

Их точку зрения разделяли и другие генералы, многие офицеры Генерального штаба и строевых частей.

Начальник тыла группы армий «Центр» генерал фон Шенкендорф в своих мемуарах настаивал на необходимости гуманного ведения войны, на отказе от всякой захватнической политики с гарантией независимости России.

Берлин оставался глух к этим призывам.

Идею создания Русского Освободительного Движения, формирования армии поддерживали участники заговора против Гитлера.

Капитан Штрик-Штрикфельдт участником заговора формально не был, но как антинацист был знаком с заговорщиками.

Однажды, в 1944 году, ему позвонил генерал, которого он знал только по имени, и просил устроить встречу с Власовым. Встреча состоялась в служебном кабинете одного профессора Берлинского университета. «Я знаю все, — сказал генерал. — Сегодня я могу только сказать, что не исключено преобразование или смена германского правительства. Не исключен вопрос о назначении нового Верховного главноко-

мандующего. Тогда нам понадобится ваше сотрудничество и помощь, генерал Власов. Даты я вам также не могу назвать, но я прошу вас доверять мне, как я сейчас доверяю вам. В начале нашего разговора я не ставил никаких условий, но теперь, под конец нашей встречи, я прошу сохранить в полной тайне сказанное мною, а также мое имя».

После минутного молчания Власов сказал:

«Я уже отчаялся во всем, но я думаю, что понял вас, генерал, и я буду пытаться работать дальше. Я благодарю вас за доверие!».

Немецкий антинацист и русский антибольшевик обменялись крепким рукопожатием.

Вышли порознь. Власов и Штрик-Штрикфельдт уже были в своем «фольксвагене», когда генерал, не обернувшись, сел в «мерседес».

20 июля 1944 года... В этот день адская машина, принесенная в портфеле графом Штауфенбергом, должна была разорвать Гитлера на куски.

Меньяк, губивший и Германию, и Россию, — уцелел.

Началась расправа над заговорщиками. Погибли те, кто стремились изменить политику Гитлера по отношению к России.

«Наши друзья», — говорит Штрик-Штрикфельдт.

«Наши друзья», — можем повторить и мы, участники Движения.

Вот их имена: полковник граф Штауфенберг, полковник барон Фрейтаг-Лорингхофен, полковник барон фон Рёнен, генерал фон Тресков, генерал Остер, генерал Ольбрихт, полковник фон Альтенштадт, генерал Вагнер и другие.

Генерала Гелена, видного участника заговора, одного из убежденнейших противников Гитлера, спасла счастливая случайность.

Он смог еще много сделать для Движения.

В последних главах книги Штрик-Штрикфельдта — события последнего периода истории Освободительного движения.

Описание драматической истории похищения видного участника Движения, редактора газеты «Заря» и «Доброволец», М. Зыкова, организованного, по всем данным, СД.

Рассказ об аресте руководства НТС, члены которого принимали участие в Освободительном движении.

Генерал Трухин, бывший в то время в руководстве НТС, в первую волну арестов уцелел, но скоро, в июне 1944 года, СД потребовало от военных властей согласия на арест Трухина, Боярского и других. Штрик-Штрикфельдт бросился в Генштаб, к пол-

ковнику Фрейтаг-Лорингхофену, который коротко сказал:

— Все необоснованно... Головы не покатыются!

Были спасены: генерал Трухин, полковник Боярский, старший преподаватель Школы пропагандистов Дабендорфа А. Н. Зайцев.

В главе «На пути в Прагу» краткая история создания Комитета Освобождения Народов России, опубликование Пражского Манифеста.

«Можно лишь удивляться, — пишет Штрик-Штрикфельдт, — что в обстановке нацистской Германии можно было создать и опубликовать такой документ».

Канцелярия Власова была завалена заявлениями военнопленных и рабочих, вывезенных в Германию, о вступлении в РОА. Началось формирование первых дивизий.

Конец, между тем, приближался.

В американском плену, вернее, в американской тюрьме, где военнопленные ге-

нералы и офицеры, среди них и антинацисты, подвергались издевательствам охраны, Штрик-Штрикфельдт сидел вместе с генералами Малышкиным и Жиленковым. Был свидетелем их выдачи.

Заклученные фельдмаршалы Лист и Вейхс, сочувствовавшие во время войны Освободительному движению, и генерал Гудериан пытались протестовать.

— Наши русские товарищи не должны быть выданы!

Малышкина и Жиленкова увезли под предлогом перевода в другой лагерь.

Простились навсегда...

— Это конец, — сказал Малышкин, прощаясь. — Спасибо вам, Вильфрид Карлович, за все, что вы сделали для нас и для нашего народа.

Остается добавить:

— Спасибо, дорогой друг, и за вашу книгу — ценнейшее историческое свидетельство!

Владимир Самарин

Дар мученичества

Есть мученики и умученные. Объективно — то же самое, а субъективно — огромная разница. Умученные — это те, кто погиб в результате насилия; здесь налицо трагедия, но нет подвига, нет жертвы; умученные — как животные, привезенные на бойню на заклятие — у них нет выбора, у них нет смысла смерти, что особенно трагично, их смерть вызывает сочувственную, но и безысходную тоску. Смерть мучеников во имя чего-то или за кого-то, если это «что-то» или «кто-то» сияет божественным светом, одухотворяет мученика и вдохновляет других; их смерть **бодрит**, как слова пасхальной песни: «Смертию смерть поправ...».

Умученных — тьма тем; мучеников меньше, но и им нет числа. И только на некоторых из них Богу угодно пролить свет **церковного внимания, канонизации**, в назидание и ободрение «малого стада». Им Богу угодно было отвести роль «зерна горчичного» или «закваски», выражаясь словами притч Христовых. Одним из них был о. Максимилиан Кольбе, канонизованный римо-католической Церковью в 1971 году. Основным поводом к канонизации, вернее — пока еще «бятификации» — была мученическая смерть о. Максимилиана в Аушвицком (Свенцимском) лагере от рук гитлеровских палачей. Его арестовали 17 февраля 1941 года и поместили в «концентрационный ад» — Освенцим (Аушвиц). Там,

после различных издевательств над ним, он принял свой мученический венец при следующих обстоятельствах.

Случилось, что из корпуса, в котором содержался о. Максимилиан, бежал один из заключенных. По принципу коллективной ответственности из их барака было отобрано десять человек, которые, в виде наказания, должны были быть ввержены в подвальные темницы и оставлены там на **голодную смерть** (приговоренным к такого рода казни не давали даже воды!). Среди этой десятки жертв оказался сержант Франциск Гайвоничек. Вызванный из строя, он взмолился: «Бедная моя жена, бедные дети, я их больше не увижу!». И вот настал великий момент: из строя выступил о. Максимилиан и предложил убийцам заменить собой обреченного. Палач, к удивлению присутствующих, внял этой просьбе, и о. Максимилиан пошел вслед за своим «малым стадом» на муки. О том, как он себя вел в дни страданий, как ободрял присутствующих и непрестанно молился, рассказал потом тюремщик Борговец. О. Максимилиан молился и за своих палачей!

В день Успения о. Максимилиан умер, последним из всей десятки. Смерть эта была добровольной, так как о. Максимилиан отдал свою жизнь «за други своя», а жертва такая самим Иисусом Христом была оценена как высшее проявление любви:

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ио. 15, 13).

Но жертва эта была лишь венцом жизни о. Максимилиана, жизни, в которой он явил пример всесторонней святости и многообразного подвига. Действительно, редко кто сочетал в себе столь разнообразные способности. О. Максимилиан был постником, мистиком, молитвенником, аскетом, математиком, богословом и философом. Дипломы доктора богословия и доктора философии он получил в Риме. Он также был замечательным проповедником и педагогом. Но, кроме того, у него была любовь (и талант) к современной технике и механике. К тому же он был замечательным организатором и прожектором в хорошем смысле этого слова, т. е. современным «строителем». Его достижения, при Божьей и людской помощи, были поразительны. Обо всем этом, равно как и о его мученической кончине, подробно рассказывается в его биографии, написанной польской писательницей Марией Виновской. Книга эта озаглавлена «Тайна Максимилиана Кольбе», и вышла она в издании «Жизни с Богом» (Брюссель, 1972). Интересующимся агиографией горячо рекомендуем прочитать эту книгу.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Слово «беатификация» происходит от лат. «беатус» — блаженный, благословенный. Это — первая ступень канонизации, состоящая, в свою очередь, из двух фаз. Первая фаза заключается в исследовании жизни, подвигов, добродетелей, сочинений, святости и т. п. кандидата во святые. Исследование это производит обыкновенно епископ той области, в которой жил или умер подвижник. Вторая фаза, называемая «Апостольским процессом», наступает тогда, когда предварительное исследование покажет, что угодник Божий действительно явил своей жизнью пример особой святости, либо принял мученический венец. После этого глава Римо-Католической Церкви, папа, провозглашает данного подвижника «блаженным» и достойным местного почитания в качестве святого. Канонизация, т. е. причисление к лику святых, почитаемых повсеместно, провозглашается папой после того, как Конгрегация Церковного Обряда (Чина) удостоверится, что по молитвам этому святому или при прикосновении к его мощам совершаются чудеса.

И. Г.

В редакцию журнала «Голос зарубежья»

Статью Владимира Самарина в № 2 журнала следует признать ценной и интересной. Я тоже считаю, что пора перестать делить эмиграцию на «старую» и «новую», делить ее следует по признаку ее отношения к социализму. К сожалению, в статье Вл. Дим. есть неточности, ошибки, что по ряду причин естественно. Позволю себе указать на эти ошибки.

1. Генерал-лейтенант Петр Николаевич Врангель не был военным инженером, а окончил в Санкт-Петербурге Горный институт Императрицы Екатерины II. После этого вступил на военную службу в Лейб-гвардии конный полк рядовым, вольноопределяющимся, окончил полковую учебную команду (стал унтер-офицером) и выдержал корнетский экзамен при Николаевском кавалерийском училище. В 1910 г. окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба. (Выписка из послужного списка ген.-лейт. бар. Врангеля).

2. Автор ошибся, написав, что ген. Корнилов сменил умершего Алексеева. Это не так.

Ген. Михаил Васильевич Алексеев 2/15 ноября 1917 г. приступил в Новочеркасске к формированию Добровольческой армии,

носившей тогда имя «Алексеевской военной организации». С приездом на Дон «быховцев», во главе с ген. Лавром Георгиевичем Корниловым, последний принял командование Добровольческой армией, а ген. Алексеев принял на себя звание «Верховного руководителя» и обязанности гражданского управления, иностранные сношения и финансы. Ген. Корнилов был убит 31 марта 1918 г. под Екатеринодаром, и ген. Алексеев назначил ген. А. И. Деникина (который в 1-м Кубанском походе был помощником ген. Корнилова) командующим Добровольческой армией. Ген. Алексеев скончался в гор. Екатеринодаре 25 сентября 1918 г., уже после смерти ген. Корнилова, как указано выше — 31 марта того же года.

3. Относительно песни Корниловского ударного полка, сочиненной прапорщиком (а потом штабс-капитаном) Кривошеевым, то в Добровольческой армии были выпущены слова «Царь нам не кумир». Сам автор был монархистом и одно время был членом монархической организации. Надо сказать, что Добровольческая армия была всеобщая, но, конечно, после «керенщины», погубившей Россию, отталкивалась от все-

го «прогрессивно-революционного»... После мученической смерти Государя и его семьи усилились монархические чувства в Добровольческой армии. Это было и в других белых армиях.

4. Вопрос относительно дворянства и словий. Это кратко. Надо признать, что офицерский состав был... дворянский, хотя подавляющее большинство офицеров к 1917 году было из мещан, купцов, крестьян и даже ремесленников. По закону Имп. Петра Великого, обер-офицер получал *личное* дворянство, а чин капитана (потом полковника) давал *потомственное* дворянство (независимо от происхождения). Это касалось и гражданских чиновников. Таким образом разница между ген. Корниловым (или ген. Деникиным) и ген. бароном Врангелем была незначительна — первый был потомственным дворянином, а ген. барон Врангель — родовитым аристократом. Большевики пользовались этим и вели пропаганду против офицеров — «помещиков и капиталистов», хотя, конечно, знали,

что 75% офицеров — выходцы из мещан и крестьян (рядовые солдаты, георгиевские кавалеры трех-четырёх степеней произво-дились в офицеры).

5. Не надо забывать жертв служения русской учащейся молодежи, главным образом воспитанников тридцати кадетских корпусов, дружно пробиравшихся в Бельгий стан и большей частью там в полках, батареях, бронепоездах отдавших свою жизнь за национальную Россию. С ними, под руководством доблестных офицеров, несли свою боевую службу добровольцы — гимназисты, реалисты, студенты и старые солдаты... Армия сплотила их. Единство цели, мысли, идеала дало возможность творить великое дело спасения России. Не их вина в крушении Белого Движения. Народ стоял в стороне — «ни за Ленина, ни за Колчака»... Результаты — десятки лет рабства, мук и страданий. И конца им не видно.

И. Горяинов

ПИСЬМО А. Э. ЛЕВИТИНУ-КРАСНОВУ

Г-н Скворцов прислал в редакцию нашего журнала свое открытое письмо А. Э. Левитину-Краснову с просьбой его опубликовать. Мы удовлетворяем эту просьбу.

Уважаемый Анатолий Эммануилович!

Рассеянные по всему свободному миру русские люди непримирившиеся с безбожно-большевицкой властью, поработившей Россию, пристально следят за всем, что происходит на нашей Родине.

Мы восхищаемся подвигом тех бесстрашных борцов с большевицкой тиранией, имена которых, особенно в последние годы, становятся известными всему миру.

По мере наших скромных сил и мы отсюда стараемся, чем можем, помочь внутрироссийским борцам, к которым причисляли и Вас.

Но вот, года два тому назад, вышла за рубежом Ваша книжка «Строматы», содержание которой многих из нас привело в недоумение.

Не стану сейчас анализировать все ее содержание, а остановлюсь только на одной странице — 124-й. Там Вы пишете: «Я отнюдь не склонен восхищаться безоговорочно Октябрьской революцией, — я знаю, сколько крови и слез принесла она. И тем не менее я повторяю с полной уверенностью — Октябрьская революция была большой победой русского народа...».

Страшные слова! И это говорите Вы, верующий, церковный писатель! Дальше

Вы объясняете, почему октябрьский переворот был именно «большой победой русского народа» существовавшим в дореволюционной России сословным неравенством. Поясните Вы это конкретными примерами из жизни вообще и Вашей семьи в частности.

Действительно отрицать наличие в России сословных привилегий и неравенства не приходится. Но неужели, думаете Вы, чтобы изжить эту несправедливость не было другого выхода, как только устроить эту кровавую бойню? Ведь до этого была февральская революция, которая, в первую очередь провозгласила и равноправие и отмену всех привилегий — сословных и прочих. На самом же деле все эти «завоевания» февральской революции были, наоборот, уничтожены октябрьским, большевицким переворотом.

Прожив всю жизнь в СССР, неужели Вы не заметили существования нового привилегированного класса партийцев (советского дворянства), которое обласкано властью и пользуется такими преимуществами, о которых простой народ, служащие, рабочие и крестьяне-колхозники, не состоящие в партии, не могут и мечтать, влача, порой, нищенское и бесправное (колхозники) существование.

Если бы действительно октябрьский переворот на деле уравнивал в правах все население страны, стер бы сословные перегородки, то неужели это «достижение» было

бы оправдано теми миллионами русских людей, которые погибли в годы революционного беснования?

Здесь уместно добавить, что ни февральская революция, ни октябрьский переворот не были делом народа. Они ему (народу) были навязаны как совершившийся факт и только потом народ был увлечен «грабить награбленное».

Объясните же мне конкретно, в чем Вы видите, что «Октябрьская революция была великой победой русского народа», как это Вы написали в «Строматах»? Ведь от нее, в конце концов, бежали Вы сами, просидев предварительно несколько лет в большевицких тюрьмах и психиатрических больницах!

Неужели и Вы, как некоторые из бежавших в свободный мир, считаете, что нынешнее руководство СССР всего лишь искажает хорошую идею марксизма-ленинизма и боролись только за некий «хороший» большевизм с «человеческим лицом» и искренно верили, что такой «хороший» большевизм принесет правду и благо народу?

Насколько нам известно, в прошлом Вы были членом (кажется даже имели сан дьякона) в обновленческой церкви. Потом покаялись и возвратились в Православие. Однако мысли Ваши и поныне близки к обновленчеству.

Вы свидетельствуете о существовании в СССР Истинно Православной катакомбной Церкви, но сами Вы к ней не принадлежали.

Иерархи этой Церкви большевицкую власть рассматривают как абсолютное зло и ни на какой компромисс с ней не идут, хотя и не отрицают, что за годы ее владычества над Россией были проведены некоторые, полезные для народа и страны, мероприятия, которые останутся в жизни и после свержения власти компартии.

Зло, в его чистом виде, привить к нормальному человеческому обществу невозможно, настолько оно отталкивающе очевидно. Но прибавленные к нему крупницы правды уже делают его для многих поверхностно мыслящих людей приемлемым. По этому рецепту изготовлен марксизм-ленинизм, основной замысел которого — мировая революция, мировой хаос.

Нет, Анатолий Эммануилович, природу большевизма, видимо, Вам понять не дано, как это, наоборот, хорошо понял Александр Исаевич Солженицын. Может быть, Вы в этом и не виноваты, как и многие иностранцы, которые к этому метафизическому злу подходят с меркой маленьких социальных достижений — отмена сословных привилегий — и за это провозглашают большевицкий переворот «большой победой русского народа».

Социальное неравенство в дореволюционной России прогрессивно изживалось и без всяких ужасов. Если б не произошло большевицкого переворота, то от него в наше время не осталось бы и следа.

К. Скворцов

Редактирует коллегия:

А. Курченко, И. Мусман, В. Пирожкова
Адрес редакции: GOLOS SARUBESCHIA
Bothmerstr. 14, 8 München 19. BR Deutschland

Verantwortlich für den Inhalt:

Redaktionskollegium:

А. Kurtschenko, I. Musman, V. Piroshkova

Банковский счет —

Банк: Hypotheken- und Wechselbank
8 München, Konto Nr. 2760094318

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: „Logos“, Bothmerstr. 14, 8 München 19

